

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ИМЕНИ А.Я. СУХАРЕВА

Новосибирский филиал

СИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ РАНХИГС
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

(Новосибирск, 4 июня 2025 года)

Москва, 2025

УДК 343
ББК 67

А 43 Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 4 июня 2025 г.). М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2025 – 109 с.

Редакционная коллегия

Бессонов А.А., ректор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции
Морозова Н.А., директор Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции

Галдин М.В., доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции

Нестерова И.Д., руководитель редакционно-издательского отдела Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, майор юстиции

Автор-составитель – Галдин М.В., доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции

Сборник включает в себя материалы, предоставленные участниками Всероссийской научно-практической конференции, проведенной 4 июня 2025 года в очном и дистанционном формате Новосибирским филиалом Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Сибирским институтом управления – филиалом РАНХиГС. Конференция организована при участии ведущих вузов, ученых, специалистов, сотрудников правоохранительных органов России.

Сборник представляет интерес для юристов – ученых и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы, идеи и взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

© Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2025

Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства»

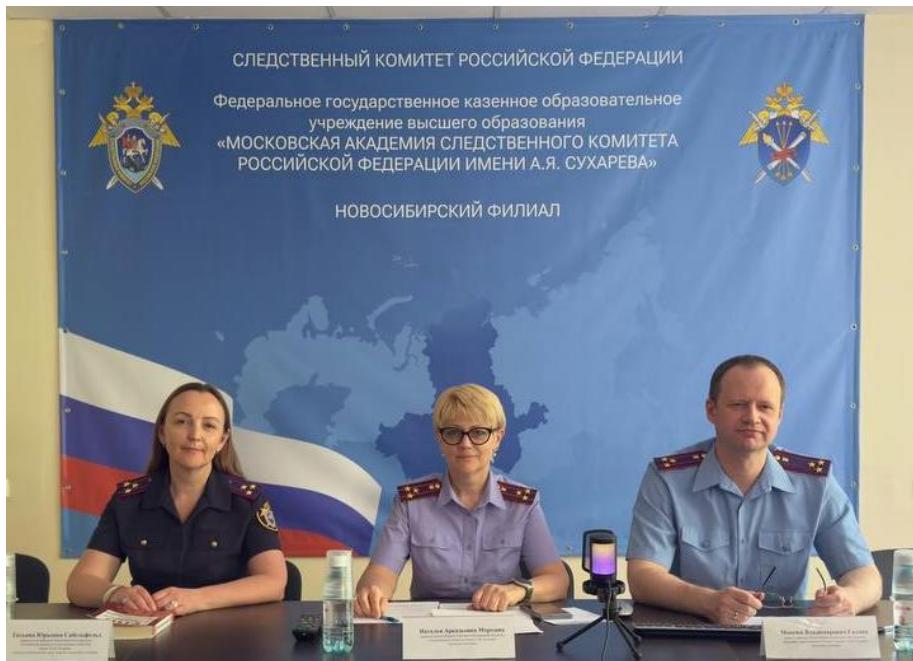
4 июня 2025 года Новосибирским филиалом Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева при участии Сибирского института управления – филиала РАНХиГС проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства». Форум проводился в формате видео-конференц-связи на платформе системы дистанционного образования.

Открыла работу конференции директор Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева полковник юстиции *Наталья Аркадьевна Морозова*. С приветственным словом к участникам форума обратился заместитель директора Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ *Кирилл Алексеевич Зайков*, который пожелал плодотворного обсуждения возникающих в следственной деятельности проблем и их успешного разрешения.

Участие в работе форума приняли представители Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, Университета прокуратуры Российской Федерации, Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Академии управления МВД России, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Омской академии МВД России, Новосибирского и Кемеровского государственного университетов и других вузов. Большой интерес у участников конференции вызвал доклад *Алексея Васильевича Холопова*, заведующего криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента, старшего советника юстиции на тему «Реализация принципа наглядности как условие обеспечения познания преступления в уголовном судопроизводстве».

Основную часть участников в научно-практическом форуме лиц составили сотрудники и учащиеся Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева. С докладами выступили старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы *Сергей Владимирович Валов*, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала *Александр Алексеевич Казаков* и заведующий кафедрой криминалистики Хабаровского филиала *Денис Викторович Галкин*.

На конференции был освещен широкий спектр актуальных вопросов применения знаний из различных наук уголовно-правового цикла. С докладами выступили ученые в области уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, представители вузов, осуществляющих подготовку кадров уголовно-правовой специализации, обучающиеся и практические работники. Модерировал работу конференции доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала *Максим Владимирович Галдин*.

Участники подчеркнули, что проведение конференции способствует повышению профессионального уровня сотрудников Следственного комитета и укреплению научно-практического взаимодействия между образовательными учреждениями и следственными органами. При подведении итогов работы *Н.А. Морозова* поблагодарила ее участников за актуальные доклады и интересное обсуждение проблем, возникающих в ходе расследования преступлений.

Оргкомитет конференции

Р.В. Байтов¹, Т.Ю. Сабельфельд²

¹ Новосибирский государственный университет

² Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Цифровизация предварительного следствия

Аннотация. В статье анализируются проблемы и перспективы цифровизации предварительного следствия в Российской Федерации. Рассматриваются тенденции внедрения цифровых технологий в уголовный процесс, состояние правового регулирования, коллизии и пробелы на стадии предварительного следствия. Уделяется внимание сущности цифровых доказательств, роли электронных доказательств, концепции «Цифрового УПК».

Ключевые слова: цифровизация, предварительное следствие, уголовный процесс, электронные доказательства, цифровые доказательства, следственные действия, «Цифровой УПК», информационные технологии.

Глубокая трансформация общественных отношений под влиянием перманентного развития и всепроникающего влияния цифровых технологий закономерно ставит перед государством задачу адаптации существующих правовых институтов к новым реалиям. Сфера уголовного судопроизводства, и в особенности ее стержневая досудебная стадия – предварительное следствие, не является исключением из этого глобального тренда. Актуальность проблем и перспектив цифровизации предварительного следствия сегодня детерминируется целым комплексом взаимосвязанных факторов, требующих пристального научного внимания.

Во-первых, наблюдается объективная потребность в модернизации устоявшихся уголовно-процессуальных механизмов для адекватного реагирования на вызовы цифровой эпохи. Рост киберпреступности и повсеместное использование цифровых данных в качестве следовой информации требуют пересмотра традиционных подходов, которые зачастую оказываются неэффективными при работе с цифровыми объектами¹. Во-вторых, возникает насущная необходимость реформирования отдельных этапов и процедур расследования. Как справедливо указывают ученые-процессуалисты, особого внимания требует начальный этап предварительного расследования, где закладываются основы доказывания и где цифровизация может дать существенный эффект в плане оперативности и качества. По мнению П.П. Ищенко - именно на этой стадии решается принципиальный вопрос «быть или не быть» предварительному расследованию» и здесь «допускается больше всего

¹ Ищенко П.П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и юридические чтения. 2022. № 1. С. 30–42.

нарушений закона»². В-третьих, остро стоит вопрос о самой сущности и процессуальном статусе цифровой информации как источника доказательств. Концептуальное осмысление и законодательное закрепление понятий «цифровые доказательства» и признание неуклонно возрастающей роли электронных доказательств в системе уголовно-процессуального доказывания являются ключевыми задачами. Как указывает Х.Х. Рамалданов, под цифровыми доказательствами «следует понимать как виртуальную (нематериальную), так и хранящуюся на материальных носителях электронную информацию, доказывающую обстоятельства, необходимые для принятия процессуального решения, а также имеющую значение на досудебной стадии уголовного судопроизводства»³. В своих трудах В.В. Долгаев также отмечает, что УПК РФ «не выделяет электронные доказательства в отдельную категорию доказательств» и в праве «нет официального определения для электронных доказательств»⁴. В-четвертых, сама парадигма уголовно-процессуального регулирования нуждается в пересмотре с учетом цифровых реалий, что актуализирует научные дискуссии о разработке и внедрении концепции «Цифрового УПК». Эта концепция, по мнению авторов, предполагает «перевод производства по уголовным делам в виртуальное пространство, а также кардинальное переосмысление всей системы следственных действий»⁵. Наконец, важно понимать, что цифровизация затрагивает не только деятельность следственных органов, но прокурорский надзор и судебное разбирательство, эффективность которых также во многом зависит от внедрения современных технологий и соответствующей правовой регламентации.

Таким образом, комплексное исследование вызовов цифровизации предварительного следствия, междисциплинарный анализ существующих проблем правового регулирования и следственной практики, а также разработка научно обоснованных путей модернизации представляют собой актуальную теоретическую и практическую задачу, имеющую стратегическое значение для дальнейшего развития отечественного уголовного процесса в условиях формирующегося информационного общества.

Текущее состояние цифровизации предварительного следствия в Российской Федерации можно рассматривать как переходный этап, характеризующийся наличием определенных достижений наряду с сохранением существенных

² Ищенко П.П. О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 8. С. 89–99.

³ Рамалданов Х.Х. Понятие и сущность цифровизации доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1. С. 127.

⁴ Долгаев В.В. Роль электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 178.

⁵ Зуев С.В., Зазулин А.И. Цифровой УПК: новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1. С. 69.

вызовов и нерешенных проблем. С одной стороны, активно используются ведомственные информационные системы для внутренних нужд в Следственном комитете Российской Федерации, МВД России, применяются средства криминалистического исследования цифровых носителей. С другой стороны, отсутствует единая, сквозная платформа электронного уголовного дела, а значительная часть процессуального документооборота по-прежнему осуществляется в традиционной бумажной форме.

В этом контексте особую актуальность приобретает задача цифровизации именно начального этапа уголовного процесса, включающего проверку сообщений о преступлениях и решение вопроса о возбуждении уголовного дела. Исследователи справедливо отмечают, что именно здесь закладывается фундамент будущего расследования, и эффективное использование цифровых технологий (например, для быстрого сбора и анализа первичной информации из открытых и закрытых источников, оперативного взаимодействия с заявителями и потенциальными свидетелями) способно существенно повысить оперативность и результативность работы на этой важной стадии. Однако существующие процедуры и правовое регулирование данного этапа пока слабо адаптированы к имеющимся цифровым возможностям и требуют целенаправленного реформирования. В этой связи П.П. Ищенко предостерегает от радикальных мер, отмечая, что отказ от стадии возбуждения уголовного дела «является лишь частичным решением существующих проблем»⁶.

Несмотря на объективную потребность в адаптации уголовного процесса к цифровой реальности, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации лишь фрагментарно регулирует применение информационных технологий в досудебном производстве. Существующие нормы УПК РФ, такие как статьи 74, 81, 84, 166, 182, 183, 189¹, безусловно, затрагивают отдельные аспекты использования цифровых технологий. Они касаются, в основном, вопросов технической фиксации хода следственных действий, признания электронных носителей вещественными доказательствами и возможности дистанционного участия в уголовном процессе в ряде случаев.

Однако системного, комплексного подхода к регулированию цифровизации в УПК РФ до сих пор не выработано. Не содержит основной кодифицированный закон и целостной концепции цифрового уголовного судопроизводства. Отсутствует легальное определение основополагающего понятия «цифровые доказательства»⁷, не урегулирован детально порядок их собирания, проверки и оценки, несмотря на их неуклонно возрастающую роль в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам⁸. Процедуры проведения таких востребованных практикой следственных действий в цифровой среде, как осмотр информации в сети Интернет, получение данных из облачных хранилищ, удаленный доступ к компьютерным системам, четко не

⁶ Ищенко П.П. Указ. соч. С. 95.

⁷ Рамалданов Х.Х. Указ. соч. С. 121–128.

⁸ Долгаев В.В. Указ. соч. С. 177–181.

прописаны законодателем. Это вынуждает правоприменителей действовать по аналогии с традиционными следственными действиями, что порождает серьезные риски нарушения прав и законных интересов граждан, а также создает почву для оспаривания допустимости полученных таким образом доказательств. Так П.П. Ищенко отмечает, что применение современных технологий приводит к «эффекту, который можно условно назвать «размыванием процессуальных границ» следственных действий, когда в рамках одного следственного действия, частично или полностью выполняется другое»⁹.

В связи с этим в научной среде все активнее обсуждается идея создания полноценного «Цифрового УПК» или, как минимум, внесения комплексных, системных изменений в действующий кодекс. Подобная концепция, как полагают ее сторонники, должна предполагать не просто добавление точечных поправок, а глубокую переработку целого ряда норм, регламентирующих использование цифровых технологий на всех этапах уголовного процесса. Это включает в себя уточнение правил применения технологий фиксации, определение юридической силы электронных документов, разработку правил проведения следственных действий в цифровом пространстве и адаптацию иных процессуальных институтов к новым реалиям¹⁰.

Вышеуказанная недостаточная урегулированность порождает целый комплекс взаимосвязанных правовых проблем и коллизий, существенно затрудняющих эффективную цифровизацию предварительного следствия.

Преодоление существующих технологических барьеров, организационно-кадровых проблем и социально-правовых рисков требует выработки и реализации комплексной, научно обоснованной стратегии. Это включает разработку концептуальных основ «Цифрового УПК», целенаправленное внедрение апробированных инновационных технологий, системное и согласованное изменение уголовно-процессуального и смежного законодательства, а также реализацию продуманных организационных и кадровых мероприятий для эффективности результатов на стадии предварительного расследования.

Литература

1. Долгаев В.В. Роль электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 177–181.
2. Зуев С.В., Зазулин А.И. Цифровой УПК: новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. №1. С. 67–77.

⁹ Ищенко П.П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и юридические чтения. 2022. №1. С. 36.

¹⁰ Зуев С.В., Зазулин А.И. Указ. соч. С. 67–77.

3. Ищенко П.П. О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования // Вестник Университета имени О.Е.Кутафина. 2019. № 8. С. 89–99.

4. Ищенко П.П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и юридические чтения. 2022. № 1. С. 30–42.

5. Рамалданов Х.Х. Понятие и сущность цифровизации доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1. С. 121–128.

П.В. Вдовцев

Московская академия

Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Заключение специалиста: отдельные вопросы определения его доказательственного значения в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье представлен аналитический срез тех положений процессуального регламента, что посвящены заключению специалиста; аргументируется соображение о целесообразности рассмотрения названного заключения – в силу его неформализованного характера – не в качестве самостоятельного доказательства, а разновидности иных документов; сформулированы некоторые потенциальные корректизы действующего закона.

Ключевые слова: специалист, заключение, объяснение специалиста, доказательство, формализованное, неформализованное доказательство, иные документы.

Вопрос о доказательственном потенциале заключения, полученного от специалиста, по-прежнему присутствует в доктринальной повестке. Высказанные ответы на него можно свести к двум вариантам: 1) заключение специалиста уместно рассматривать как самостоятельное средство познания, самостоятельное доказательство¹¹; 2) доказательственный потенциал заключения равен нулю, оно доказательством не является¹².

¹¹ См., например: Еремин С.Н. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 45.

¹² См., например: Лазарева Л.В. Проблема определения доказательственного статуса заключения и показаний специалиста в уголовном процессе // Мировой судья. 2008. № 9 // Доступ из справ.-прав. системы «Гарант»; Рябинина Т.К., Пашутина О.С. Допрос специалиста и истребование его заключения в уголовном судопроизводстве России: проблемы и пути их разрешения // Мировой судья. 2011. № 10 // Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

Уголовный процесс по своей юридической природе публичен. Среди прочего это означает, что функция сбора доказательств всецело возложена на публичного субъекта (следователь, дознаватель и т.д.), а движение процесса определяется его решениями. Сторона защиты к доказыванию имеет посредственное отношение, то есть если и наделена возможностью формировать доказательства, то только посредством следователя (иного правоприменителя), через обращение к нему.

В этой связи напрашивается вопрос: возможно ли сочетание состязательности, являющейся одним из ведущих принципов российского уголовного процесса, с публичным его характером? Возможно ли воплощение этого принципа в досудебно-разыскной стадии?

Стоит рассмотреть правомочия публичного субъекта по сбору познавательно-доказательственной информации, исходящей от специалиста. Действующий судопроизводственный регламент предлагает два пути сбора подобной информации: правоприменитель вправе допросить названного носителя специальных знаний, тем самым получить его показания. Названный способ, путь традиционно считается формализованным и, стало быть, ведет к получению формализованного же доказательства. Кроме того, публичный субъект правомочен опросить специалиста, результатом чего выступает получение его объяснений (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Вправе он получить и заключение этого участника. Эти способы, пути вовлечения специалиста в судопроизводство не являются формализованными, следовательно, приводят к появлению доказательств, не являющихся формализованными.

Подчеркнем, формализованный способ собирания доказательственной информации предполагает существование регламентированных, предписанных требований и к источнику информации, и вместе с тем к ее форме. К числу формализованных следует, соответственно, отнести доказательства, предусмотренные п. 1-3, 4-5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а также показания специалиста.

Неформализованный же способ предполагает, что предписаниями закона установлены требования только к источнику названной информации, форма же ее не регламентирована. Соответственно, к их числу относятся иные документы.

Требования к форме заключения специалиста законом не регламентированы. Значит, заключение следует считать неформализованным доказательством, что и определяет его процессуальное положение: заключение, не имея собственной формы получения, является разновидностью иных документов.

Объяснения названного обладателя специальных знаний также представляют собой иной документ.

В этой связи уместно задаться вопросом: почему указанное заключение необходимо причислять к иным документам? Последние, как было указано, имеют статус неформализованных. Этот же статус принадлежит и заключению. Может, логичнее было бы воспринимать заключение как отдельное, самостоятельное неформализованное познавательное средство? Кроме того, почему бы не наделить самостоятельным статусом неформализованного доказательства, не тождественного иным документам, любые другие документы, упомянутые, а равно неупомянутые в процессуальном законе?

Иначе говоря, отчего бы не выстроить на манер формализованных доказательств систему доказательств неформализованных?

Ответить на поставленный вопрос во всех его разновидностях следует, на наш взгляд, так: каждое познавательно-доказательственное средство, носящее формализованный характер, обладает только ему присущим, индивидуальным судопроизводственным режимом, который и обособляет его от прочих средств и, таким образом, не позволяет объединить их все одним единым, всеохватным статусом.

Очевидно, что при этом отсутствие формализации предполагает и отсутствие претензий на исключительность, индивидуальность режима каждого подобного познавательного средства, что диктует невозможность их обособления, свидетельствует, напротив, в пользу их соединения, охвата единым общим статусом. Соответственно, отсутствие режима, самобытной формы – повод объединить неформализованные средства. Например, «под эгидой» иных документов.

Уместным будет заметить, что такая трактовка, интерпретация категории «иные документы» существует в процессуальной доктрине достаточно давно: так, в семидесятых годах прошлого века некоторые исследователи указывали, что «различного рода справки, акты и заключения несудебных экспертиз, содержащие данные, полученные с применением специальных познаний, являются разновидностью иных документов, а не самостоятельным видом доказательств»¹³.

Правоприменению известно множество видов иных документов. Так, достаточное их количество представлено в доследственной стадии возбуждения дела. Здесь указаны, к примеру, объяснение лица (в том числе обладающего специальными знаниями), рапорт об обнаружении признаков преступления, заявление о явке с повинной, так называемый акт, справка предварительного, предэкспертного исследования, уже упомянутое заключение сведущего лица.

Правила получения, сбора некоторых из них порой обозначены в нормативных актах ведомственного характера. Вместе с тем единого, целостного понимания процедурного существа обозначенных документов, которое могло бы найти отражение в действующем процессуальном законе, не существует.

Сказанное позволяет предложить некоторые уточняющие корректизы процессуального регламента. Например, нeliшним было бы, на наш взгляд, во-первых, представить определение понятия «заключение специалиста» (это же касается его объяснения) с акцентом на то, что оно является собой иной документ, во-вторых, действующее определение (ч. 3 ст. 80) исключить.

Литература

1. Еремин С.Н. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 205 с.

¹³ См., например: Палиашвили А.Я. Экспертиза в суде по уголовным делам: учебник. М., 1973. С. 44.

2. Лазарева Л.В. Проблема определения доказательственного статуса заключения и показаний специалиста в уголовном процессе // Мировой судья. 2008. № 9. С. 27–32.

3. Палиашвили А.Я. Экспертиза в суде по уголовным делам: учебник. М. 1973. 142 с.

4. Рябинина Т.К., Пашутина О.С. Допрос специалиста и истребование его заключения в уголовном судопроизводстве России: проблемы и пути их разрешения // Мировой судья. 2011. № 10. С. 16–20.

М.В. Галдин

Московская академия

Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Об изменении условий для заключения несовершеннолетнего под стражу

Аннотация. Автор анализирует положения вступившего в законную силу 11 марта 2025 года закона об основаниях избрания обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ). Даёт оценку выделению законодателем дополнительного по отношению к тяжести преступления условия насилиственного характера и отказу от связи с мерой наказания в виде лишения свободы. С учетом анализа содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2025 года № 1 положений формулирует правила избрания меры пресечения несовершеннолетнему обвиняемому в зависимости от тяжести совершенного им преступления.

Ключевые слова: предварительное следствие, правовое регулирование, правоприменение, мера пресечения, заключение под стражу, несовершеннолетний

Современное законодательство требует проявления особого внимания в выборе меры воздействия на несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Перед возбуждением ходатайства об избрании в его отношении заключения под стражу следователь в первую очередь должен проанализировать обстоятельства, связанные с условиями жизни и воспитания. Исходить нужно из наличия родителей, попечителей, характера взаимоотношений законного представителя и несовершеннолетнего, уровня его обеспечения и наличия по месту жительства или месту пребывания условий для всестороннего развития, воспитания, получения образования, занятия трудовой деятельностью и т.п. При допросе законного представителя крайне важно выяснить вопрос о том, не вышел ли из-под его контроля несовершеннолетний, от ответа на который зависит возможность применения специальной меры пресечения, предусмотренной ст. 105 УПК РФ¹⁴. В противном случае

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под

следователь вынужден обращаться к мере пресечения, избираемой по судебному решению.

В остальном специфика заключения под стражу несовершеннолетнего обвиняемого диктуется нормами закона, суть которых до марта 2025 года в основном сводилась к необходимости учета тяжести преступления (ст. 15 УК РФ) и предусмотренного за его совершение наказания в виде лишения свободы. Эти два условия сходны лишь на первый взгляд, поскольку для причисления преступления к той или иной категории наряду с определением верхнего предела санкций в виде лишения свободы также требуется учитывать форму вины. В действительности же санкция уголовно-правовой нормы наиболее полно и точно отражает общественную опасность преступлений, даже если они отнесены к одной категории.

Условия для заключения под стражу в текущем году претерпели серьезные изменения¹⁵. Теперь статья 108 УПК РФ содержит одно условие о тяжести преступления, которое дополнено условием о насильственном характере преступления средней тяжести, без каких-либо отсылок к санкции в виде лишения свободы. А ведь совсем еще недавно Верховный Суд РФ настаивал на запрете заключать под стражу обвиняемых в совершении преступлений, за совершение которых не предусмотрено наказание в виде лишения свободы¹⁶. Между тем, для выбора превентивной уголовно-процессуальной меры принуждения наличие в санкции статьи уголовного закона лишения свободы продолжает иметь определяющее значение. Оно выступает условием для задержания подозреваемого и избрания таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест. Отказ от него привел к образованию правовой неопределенности. Следя букве закона, оказалось, что арестовать обвиняемого за преступление, санкция которого не предусматривает лишения свободы, теперь можно, а задержать в предусмотренном ст. 91 УПК РФ порядке и назначить ему лишение свободы нельзя. Тем самым, внесенные в закон изменения разрушили имманентную связь между задержанием подозреваемого, заключением под стражу и назначением наказания в виде лишения свободы.

стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (п. 11) // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (п. 7) // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

¹⁵ Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

¹⁶ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017. Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения 29.05.2025).

Отказ законодателя от рассмотрения лишения свободы в качестве условия для заключения под стражу обострил вопрос об избрании этой меры пресечения в отношении несовершеннолетнего. Разрешение содержания под стражей лица в зависимости от насильственного характера совершенного им преступления вытекает из общепризнанных международных стандартов осуществления уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетнего. В соответствии с ними его не следует лишать личной свободы, если только он не признан виновным в совершении серьезного деяния с применением насилия против другого лица или в неоднократном совершении других серьезных правонарушений, а также в отсутствие другой соответствующей меры воздействия¹⁷. Ранее отмечалась разумность имплементации (пусть и частичной) этого правила: общественная опасность деяния несовершеннолетнего и его насильственность чаще всего означают одно и то же¹⁸. В то же время считаем неоправданным ничем не ограниченное распространение этого стандарта на взрослого, опасность преступления которого может проявляться в нарушении самых разных охраняемых законом благ. В результате изменения нормы процессуального закона стало неясным, при каких условиях несовершеннолетний может быть заключен под стражу.

Согласно новой редакции части второй ст. 108 УПК РФ к несовершеннолетнему заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. При наличии одного из исключительных обстоятельств, указанных в подпунктах «а» - «г» пункта 1 части первой ст. 108 УПК РФ, эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, обвиняемого в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, а также преступлений, предусмотренных частью первой² этой статьи.

Часть первая² ст. 108 УПК РФ содержит два предложения. В первом из них перечислены преступления средней тяжести, среди которых несложно обнаружить два тяжких преступления – ст. 217¹ ч. 3 и ст. 284² ч. 2 УК РФ. Возникает вопросом, обвиняемого в совершении этих преступлений законодатель считает обвиняемым в совершении тяжкого преступления или преступления средней тяжести. Полагаем, что ст. 15 УК РФ имеет приоритетное

¹⁷ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (пункт «с» правила 17¹) // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

¹⁸ Галдин М.В. Генезис и перспективы развития условий заключения под стражу предпринимателей // Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 20 марта 2024 года. Москва: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 21.

значение перед анализируемой процессуальной нормой. Тогда эта ошибка в скором времени будет устранена и обвиняемым в совершении таких преступлений сейчас разрешено применять самую строгую меру пресечения. Обвиняемые в совершении указанных в первом предложении части первой² ст. 108 УПК РФ лица могут быть заключены под стражу и при отсутствии исключительных обстоятельств. При этом условие «при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» повторяет первое предложение первой части этой статьи, что, на наш взгляд, является излишним. Во втором предложении части первой² ст. 108 УПК РФ перечислены ненасильственные преступления небольшой тяжести, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

27 мая 2025 года Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 19.12.2013 № 41¹⁹ уточнил, что избрание заключения под стражу возможно в отношении лица, обвиняемого в совершении лишь такого преступления, за которое ему может быть назначено лишение свободы. Такой подход заслуживает поддержки с одной оговоркой. Действительно, процессуальное право в целом производно от материального права, которое предопределяет предмет процессуальных взаимоотношений между участниками. Без нормы об уголовной ответственности просто нет условий для возникновения процессуальной нормы, которая призвана обеспечить ее реализацию. Содержание под стражей обвиняемого нерационально, если в последующем ему не может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

Результаты анализа руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ смысла ст. 108 УПК РФ, позволяют сформулировать следующие правила избрания заключения под стражу несовершеннолетнему.

1. По общему правилу, несовершеннолетний может быть заключен под стражу, когда он обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

2. Если несовершеннолетний обвиняется в преступлении средней тяжести с применением насилия или угрозой его применения, а также преступлении небольшой или средней тяжести, предусмотренном частью первой² ст. 108 УПК РФ, суд для удовлетворения ходатайства об избрании заключения под стражу должен удостовериться в наличии хотя бы одного из обстоятельств, указанных в подпунктах «а» – «г» пункта 1 части первой статьи 108 УПК РФ.

3. Несовершеннолетний, обвиняемый в совершении преступления небольшой или средней тяжести, которое не связано с применением насилия или угрозой его применения и не упомянуто в части первой² ст. 108 УПК РФ, может быть заключен под стражу при условии достижения им шестнадцатилетнего

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.2025 № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

возраста и в том случае, когда он не относится к лицам, совершившим преступление впервые²⁰.

4. Иные несовершеннолетние обвиняемые в совершении преступлений небольшой тяжести впервые не могут быть заключены под стражу. Здесь, в результате частичной имплементации указанной выше нормы Пекинских правил, остался без разрешения вопрос о том, есть ли исключения из этого правила, например, когда несовершеннолетний совершил насилиственное преступление небольшой тяжести. Их сейчас более чем достаточно²¹. Полагаем, что заключать под стражу несовершеннолетнего в таких случаях будет оправданно с учетом иных установленных по делу исключительных обстоятельств. В их качестве следует рассматривать факты нарушения обвиняемым ранее избранной меры пресечения, уклонения от следствия и суда. Тем более, что новая редакция ст. 108 УПК РФ допускает заключение под стражу лиц, отказавшихся от выполнения процессуальных обязанностей, обвиняемых в нетяжких преступлениях, за совершение которых не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. На наш взгляд, в таких случаях допустимо пренебречь соблюдением условия о наличии в санкции статьи уголовного закона наказания в виде лишения свободы в угоду публичным интересам, интересам потерпевшего, а также в целях обеспечения производства по уголовному делу в разумный срок.

Таким образом Пленум Верховного Суда РФ уточнил смысл закона об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу несовершеннолетним.

Литература

Галдин М.В. Генезис и перспективы развития условий заключения под стражу предпринимателей // Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 20 марта 2024 года. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 17–23.

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (п. 2) // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

²¹ Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (Перечень № 4 преступлений небольшой тяжести) // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

Д.В. Галкин
Московская академия
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Использование в уголовном судопроизводстве доказательств, полученных с помощью систем контроля за движением автотранспорта

Аннотация. В статье анализируются современные тенденции использования в уголовном судопроизводстве сведений, формируемых системами транспортной телематики, в качестве доказательственной информации. Акцентируется внимание на криминалистических возможностях автоматизированных систем весогабаритного контроля, внедряемых в Российской Федерации в последние годы. Представлены примеры взаимодействия следственных органов с подразделениями Ространснадзора Министерства транспорта России и ГИБДД МВД России, эксплуатирующими рассматриваемые системы.

Ключевые слова: расследование преступлений, источники доказательств, криминалистическое обеспечение уголовного судопроизводства, автомобильная телематика, автоматизированные системы контроля за автотранспортом.

Современные фундаментальные исследования в области цифровой криминастики позволили разрешить ряд проблемных теоретических вопросов, разработать понятийный аппарат, систематизировать новые области знаний, а также выявить основные тенденции и перспективы развития данного научного направления, оказывающего непосредственное влияние на все отрасли уголовно-правовых наук²². Вместе с тем, для поступательного развития уголовно-процессуальной и криминалистической науки и обеспечения ее практического применения представляется важным развивать и сугубо прикладные исследования в области цифровой криминастики. Теоретическое осмысление является фундаментом и необходимым условием таких исследований. Необходимы анализ и обобщение современной следственной практики, выявление в ней новейших и наиболее значимых и перспективных инструментов цифровой криминастики, используемых для формирования доказательственной базы по уголовным делам, а также конкретные рекомендации по разрешению возникающих в этой связи уголовно-процессуальных и криминалистических проблем²³.

²²Информационные технологии в уголовно-правовой сфере: монография / О.Ю. Антонов, А.И. Баstrykin, А.А. Бессонов [и др.]. Москва: Юнити Дана, 2023. 279 с.; Бессонов А.А. Некоторые перспективные направления дальнейшего развития российской криминастики // Академическая мысль. 2019. № 3 (8); Скобелин С.Ю. Цифровая криминастика: объект и направления развития // Российский следователь. 2020. № 4.

²³Галдин М.В. О некоторых сложностях в организации расследования преступлений, совершенных в сфере высоких информационных технологий и путях их разрешения // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2021. № 1(7). С. 59–64.

Среди прочего, современные цифровые технологии активно внедряются в системы государственного и негосударственного (корпоративного) транспортного контроля, которые собирают и хранят информацию о различных параметрах самих транспортных средствах и режиме их эксплуатации. Для этого используются современные технические средства, позволяющие фиксировать такие параметры, как вес автомобиля, включая нагрузку на каждую из осей грузового тягача и прицепа, вес и размер перевозимого груза, текущее местоположение в заданный период времени и путевой маршрут, время и скорость передвижения. Возможности определения указанных параметров приобретают качественно новое криминалистическое значение при использовании фото и видео фиксации, технологий спутниковой навигации и дистанционной передачи цифровых данных по сетям сотовой связи.

Таким образом, в структуре науки и учебной дисциплины «Криминалистика», содержание раздела «Криминалистическое следоведение» (тема «Следы транспортных средств») существенно расширилось за счет новых знаний о работе с цифровыми следами, возникающими в результате функционирования внутренних и внешних автомобильных телематических систем. Ранее в рамках криминалистических исследований, проведенных по данной тематике Хабаровским филиалом Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева²⁴, уже анализировались возможности использования в уголовном судопроизводстве данных, формируемых встроенными компьютеризированными компонентами автомобиля (внутренняя телематика), а также системами удаленного контроля за транспортом («ЭРА-ГЛОНАСС», «Платон», каршеринг; внешняя телематика автомобиля). В следственно-судебной практике уже сформировался положительный опыт использования каждого из указанных источников информации²⁵.

Вместе с тем, указанные технологии не исчерпывают собой современный криминалистический инструментарий обнаружения цифровых следов автомобилей. Система «Платон» контролирует транспортные средства по единственному параметру – его текущему местоположению во время движения, на основе которого рассчитывается общее расстояние, пройденное по федеральным магистралям. Как и «Платон», система «ЭРА-ГЛОНАСС» также использует технологию спутниковой навигации. Для получения сведений правоохранительным органам необходимо обращаться к операторам указанных систем – ООО «РТИТС» и АО «ГЛОНАСС»), согласно порядку, утвержденному

²⁴ Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Электронные системы транспортных средств как источник криминалистически значимой информации» / Галкин Д.В., Киселев Е.А. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева. 2024 г. 22 с.

²⁵ Галкин Д.В. Криминалистическое значение сведений, формируемых автоматизированными информационно-транспортными системами //Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 2. С. 108–113.

ведомственными актами Министерства транспорта России²⁶ и уставными документами операторов.

Другие системы дорожного контроля за грузовым автотранспортом, независимо от «Платона», фиксируют вес и габаритные размеры грузовиков, осуществляя при этом видеофиксацию и идентификацию автомобиля по регистрационному номеру. С 2020 года в Российской Федерации внедряется технология весогабаритного контроля в автоматическом режиме (АСВГК – автоматизированная система весогабаритного контроля). Специальные датчики монтируются непосредственно в дорожное полотно и измеряют вес каждой оси проезжающего грузового автомобиля.

В целом в состав таких комплексов входят:

- индуктивные сенсоры, фиксирующие факт проезда и скорость движения грузового транспорта;
- пьезокристаллические датчики, измеряющие вес грузового транспорта без снижения скорости движения;
- оптические датчики, определяющие габариты транспортного средства с грузом;
- камеры фото- и видео фиксации, записывающие изображение и идентифицирующие автомобиль по государственному регистрационному номеру;
- шкаф управления (с антивандальной защитой) для управления периферийным оборудованием, шифрования и передачи данных.

Все данные в автоматическом режиме отправляются в единый региональный центр (ЦАФАП – центры автоматической фиксации административных правонарушений, действующие в территориальных управлениях Ространснадзора (находится в ведении Министерства транспорта России) и в региональных управлениях ГИБДД МВД России). На федеральных дорогах в Дальневосточном федеральном округе первые пункты автоматического весогабаритного контроля оборудованы в 2024 году – в Хабаровском и Приморском краях.

Основной задачей создания телематических систем весогабаритного контроля автомобильного транспорта является выявление административных правонарушений в целях обеспечения безопасности дорожного движения; их

²⁶Приказ Министерства транспорта РФ от 22.11.2016 № 353 «Об утверждении форм запроса физических и юридических лиц о предоставлении информации о координатно-временных параметрах транспортных средств на момент дорожно-транспортных и иных происшествий на автомобильных дорогах в Российской Федерации, содержащейся в государственной автоматизированной информационной системе «ЭРА-ГЛОНАСС», перечня документов, прилагаемых к запросу, и формы ответа на запрос»; Приказ Министерства транспорта России от 10.02.2017 № 46 «Об утверждении Порядка предоставления налоговым органам сведений из реестра системы взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн».

криминалистические функции следует отнести к facultативным, но имеющим важное и все более растущее значение в современных условиях криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства.

Резюмируя изложенное, приведем пример использования в уголовном процессе доказательств преступления, полученных с помощью систем контроля за движением автотранспорта. Так, в ходе расследования уголовного дела по ч.1 ст.166 УК РФ об угоне легкового автомобиля в г. Ульяновске в 2022 году сведения, полученные с помощью работающего в автоматическом режиме специального технического средства «Вокорд-Трафик-Р», имеющего функции видеозаписи и распознавания регистрационного знака (дорожной видеокамеры), обеспечили возможность получить объективные доказательства фактов, отрицавшихся подозреваемым.

Согласно материалам дела, подозреваемый, получив доступ к ключам от автомобиля своей знакомой, воспользовавшись ее отсутствием и без ее согласия совершил угон автомобиля, завладев им на несколько часов. В ходе расследования уголовного дела об угоне подозреваемый и его защита настаивали на том, что за руль автомобиля он сел вынуждено, чтобы переставить автомобиль в другое место, так как он мешал проезду. Факт завладения автомобилем на длительное время подозреваемый отрицал.

Однако, в ходе расследования, от потерпевшей, получившей квитанцию об оплате штрафа, были получены сведения о нарушении правил дорожного движения лицом, управлявшим данным автомобилем в день угона. Следователем были запрошены сведения в ЦАФАП регионального управления ГИБДД МВД России, благодаря которым был установлен факт управления подозреваемым угнанным автомобилем далеко от места его первоначальной стоянки, что опровергало версию защиты.

Таким образом, благодаря техническим данным, зафиксированным дорожной камерой, и документам, истребованным следователем в ЦАФАП регионального управления ГИБДД МВД России, подозреваемому, несмотря на его активное противодействие следствию и отрицание события преступления, было предъявлено обоснованное обвинение, в суде вынесен обвинительный приговор, поддержанный апелляционной инстанцией²⁷.

²⁷Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 17.08.2022 г. по уголовному делу № 22-1642/2022 по ч.1 ст.166 УК РФ // <http://www.uloblsud.ru/index1.php?option=3&id=90&idCard=101273>

Литература

1. Бессонов А.А. Некоторые перспективные направления дальнейшего развития российской криминалистики // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 22–26.
2. Галдин М.В. О некоторых сложностях в организации расследования преступлений, совершенных в сфере высоких информационных технологий и путях их разрешения // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2021. № 1 (7). С. 59–64.
3. Галкин Д.В. Криминалистическое значение сведений, формируемых автоматизированными информационно-транспортными системами // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 2. С. 108–113.
4. Галкин Д.В., Киселев Е.А. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Электронные системы транспортных средств как источник криминалистически значимой информации». М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева. 2024. 22 с.
5. Информационные технологии в уголовно-правовой сфере: монография / О.Ю. Антонов, А.И. Бастрыкин, А.А. Бессонов [и др.]. М.: Юнити-Дана, 2023. 279 с.
6. Скобелин С.Ю. Цифровая криминалистика: объект и направления развития // Российский следователь. 2020. № 4. С. 42–44.

А.А. Казаков
Московская академия
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Часть 2² статьи 27 УПК РФ: возможно ли сбалансированное толкование?

Аннотация. В статье исследуется вопрос о проблемах применения предписаний, содержащихся в ч. 2² ст. 27 УПК РФ. Раскрывается поэтапный процесс осознания смысла соответствующих законодательных положений. Резюмируется необходимость поиска сбалансированного подхода при исчислении нормативно установленного лимита для производства предварительного расследования.

Ключевые слова: истечение сроков давности, непричастность подозреваемого (обвиняемого), ч. 2² ст. 27 УПК РФ, прекращение уголовного преследования, возвращение уголовного дела прокурору.

Одна из трудно воспринимаемых новелл в уголовном судопроизводстве – часть 2² статьи 27 УПК РФ. Пожалуй, данную норму допустимо охарактеризовать как сюрприз для стороны обвинения и подарок для стороны защиты. Условием ее появления послужило решение высшего судебного

органа²⁸, однако вряд ли этот судебный акт следует рассматривать в качестве причины выбора законодателем столь специфического варианта прекращения уголовного преследования ввиду непричастности подозреваемого (обвиняемого) в связи с тем, что истекли сроки давности, заинтересованный субъект не дает согласие на окончание досудебного производства по нереабилитирующему основанию и исчерпан (в зависимости от категории криминального деяния) определенный лимит для производства предварительного расследования. Нормотворец не пошел по легкому пути «копировать-вставить» и, как видится, принципиально отступил от механизма разрешения соответствующей проблемной ситуации, изначального рожденного в коллективном сознании Конституционного Суда РФ.

Нововведение также подвергается сомнению с точки зрения соответствия Основному закону²⁹. Есть риски нивелирования конституционных гарантий потерпевших от преступления³⁰. Вместе с тем в любом случае на сегодняшний день при принятии процессуальных решений стоит руководствоваться предписаниями ч. 2² ст. 27 УПК РФ, а не изложенным в пункте шестом мотивированной части ранее упомянутого Постановления высшей судебной инстанции.

Неоднозначность новеллы подтверждается не столь простым и быстрым восприятием ее содержания в следственной и судебной практике. Позволительным видится описать трудный процесс осмысления данной нормы, который своего рода сравним с известным в психологии алгоритмом принятия неизбежного³¹.

Первым этапом, разумеется, было отрицание, которое сводилось к почти полному игнорированию положений ч. 2² ст. 27 УПК РФ³². При обсуждении вопросов их реализации в практической действительности во второй половине 2023 года и первом полугодии 2024 года, в частности, сотрудники СК России, проходящие повышение квалификации в Екатеринбургском филиале

²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова» // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

²⁹ Зенкин А. Неконституционность ч. 2² ст. 27 УПК о непричастности к преступлению // Законность. 2024. № 12. С. 56.

³⁰ Казаков А.А. Истечение сроков давности уголовного преследования в разрезе последующего восстановления прав лица, пострадавшего от преступления, в гражданском процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1 (45). С. 80-86.

³¹ См. об этом, например: URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6347e3299a7947d5a3b7f7e5> (дата обращения: 15.06.2025).

³² Часть 2.2 ст. 27 УПК РФ введена в действие Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 13.06.2023 № 220-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, приводили примеры направления уголовных дел в суд для рассмотрения по существу при наличии совокупности условий, перечисленных в рассматриваемой норме. Одновременно обсуждались реальные прецеденты, когда прекращение уголовного преследования в подобных ситуациях осуществлялось в соответствии с порядком, установленным ранее Конституционным Судом РФ, хотя руководствоваться, конечно, необходимо было требованиями уже вступившего в силу уголовно-процессуального закона.

Вместе с тем перманентное наблюдение за складывающейся в 2024 году практикой свидетельствовало о появлении ожидаемого тренда, заключающегося в формировании принципиальной позиции судебных инстанций о необходимости строгого следования положениям ч. 2² ст. 27 УПК РФ об обязательности прекращения уголовного преследования по реабилитирующему основанию в досудебном производстве³³. Ответной реакцией представителей стороны обвинения стал своего рода гнев в значении общепринятого второго этапа принятия неизбежного. Видится возможным процитировать одного из квалифицированных и опытных сотрудников следственных органов, отреагировавшего в ходе обсуждения данного вопроса при проведении занятия, посвященного уголовно-процессуальным проблемам досудебного производства, следующим образом: «Тенденция очень плохая. Особенно если учесть, что категорически с данной нормой не согласен. Как пример, часть 1 статьи 199 УК РФ – преступление небольшой тяжести. Налоговая проверка проводится за последние три финансовых года, к примеру, это 2019-2021 годы, проверка... длится примерно один год. Материалы поступают к нам уже с истекшими сроками давности. Для принятия решения об отказе требуется в практике согласие лица. Оно не дает согласие, мы возбуждаем дело, а сроки давности уже истекли. В течение двух месяцев мы дело не оканчиваем, поскольку экспертиза в среднем делается от четырех месяцев. Получается, что мы обязаны прекратить дело за непричастностью и реабилитировать его. И где в этом случае цели и задачи уголовного закона?». В целом результаты анкетирования следователей и руководителей следственных органов демонстрировали однозначное отрицательное отношение к нововведению (от 87 до 93 процентов слушателей, проходящих обучение по определенной программе).

Далее (отчасти параллельно) начались торги (третий этап), которые в состоявшемся виде оказались не столь уместны. Так, была предпринята попытка толковать в системном единстве части 2¹ и 2² статьи 27 УПК РФ, ограничивая действие последней из данных норм лишь случаями повторного прекращения уголовного преследования. Стоит отметить, что подобного рода взаимосвязи между данными частями однозначно не усматривается. Поэтому верным видится, что в настоящий момент эти аргументы стороны обвинения во

³³ См., например, кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18.04.2024 № 77-915/2024, апелляционное постановление Мосгорсуда от 22.05.2024 № 10-9779 // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

внимание не принимаются³⁴. Элементом торга, по всей видимости, выступало желание некоторых правоприменителей распространить на судебное производство возможность прекращения уголовного преследования на основании ч. 2² ст. 27 УПК РФ³⁵. Опять же, как думается, сфера действия данной нормы – стадия предварительного расследования.

После неуспешных торгов должна наступать депрессия (четвертый этап), однако для стороны обвинения, призванной неустанно реализовывать публично значимую функцию уголовного преследования, нет, как думается, достаточного времени для погружения в это состояние. Необходимо постоянно действовать, однако уже с учетом однозначного принятия обязанности соблюдать положения ч. 2² ст. 27 УПК РФ. Укреплению осознания этой неизбежности способствовал пункт пятый постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39³⁶.

В подтверждение приведем пример. Органом предварительного следствия И. обвинялся в совершении уклонения от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией, путем включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений, в крупном размере. Уголовное дело об этом преступлении при обстоятельствах, изложенных в обвинительном заключении, поступило в суд 29.04.2025.

В судебном заседании установлено следующее. Уголовное дело возбуждено 22.07.2024 по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ. Последний раз сроки предварительного следствия продлены 20.02.2025 на 3 месяца, а всего до 10 месяцев 00 суток, т.е. до 22.05.2025. 10.02.2025 было изготовлено заключение эксперта 7877, 88669/15-1-24, выводы которого установили конкретную сумму денежных средств, подлежащих уплате организацией, путем включения в налоговую декларацию, что послужило основанием для квалификации действий И. по ч. 1 ст. 199 УК РФ. 22.02.2025 обвиняемый и его защитник ознакомлены с заключением эксперта. 26.02.2025 проводился осмотр предметов и документов. В дальнейшем, до вынесения 20.03.2025 постановления о квалификации инкриминируемого И. деяния по ч. 1 ст. 199 УК РФ, следственные действия в рамках предварительного расследования не проводились. Таким образом, с момента начала предварительного расследования прошло более 9 месяцев. При этом суд обратил внимание, что сроки давности уголовного преследования по инкриминируемому деянию истекли до возбуждения уголовного дела и начала предварительного расследования. Анализируя положения закона (прежде всего ч. 2² ст. 27 УПК РФ)

³⁴ См., например, постановление Иркутского областного суда от 09.01.2025 № 22-28/2025, постановление Останкинского районного суда г. Москвы от 03.12.2024 № 1-950/2024 // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

³⁵ См., например, постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2024 № 77-3354/2024 // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

³⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

и приведенные обстоятельства, суд пришел к выводу, что органами предварительного расследования в течение двух месяцев со дня установления объема вменяемых действий и истечения сроков давности уголовного преследования по ним настоящее уголовное дело в суд не передано, по иным основаниям не прекращено. В связи с этим постановлено уголовное дело по обвинению И. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 УК РФ, возвратить прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ³⁷.

Анализ суждений суда в рассмотренном случае приводит к постановке вопроса о возможности вернуться к уместному торгу (шестой этап) в рамках бесспорного принятия общего законодательного замысла, заложенного в ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. Возникает ощущение, что суд так и не определился, когда берет свое начало временной период (два, три, двенадцать месяцев), по истечении которого уголовное преследование подлежит безусловному прекращению по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Прослеживаются три варианта: 1) с даты истечения сроков давности; 2) со времени принятия решения о возбуждении уголовного дела; 3) с момента появления оснований для переквалификации содеянного на преступление, со дня совершения которого истекли сроки давности (отметим, что в случае отсутствия таких оснований вопрос о соответствующих сроках применительно к данной ситуации не был бы актуальным, поскольку изначально предметом расследования было криминальное деяние средней тяжести).

Есть основание предполагать, что в судебной практике будет сделан выбор в пользу первого варианта³⁸. Однако такое толкование, пускай и является в определенной мере удобным, но в целом видится несбалансированным. Думается, что сторона защиты должна быть лишена возможности злоупотреблений, посредством которых неминуемо возникнут условия, влекущие реабилитацию подозреваемого (обвиняемого). Поэтому обоснованное приостановление производства должно влечь приостановление соответствующих сроков в значении ч. 2² ст. 27 УПК РФ. Дальнейшего обдумывания требуют ситуации, когда уголовное дело о преступлении, со дня совершения которого истекли сроки давности в ходе судебного производства, возвращено в соответствии со ст. 237 УПК РФ. Достаточно несправедливой также видится необходимость незамедлительного прекращения уголовного преследования в связи с непричастностью подозреваемого (обвиняемого), если факт истечения сроков давности обусловлен переквалификацией содеянного на норму уголовного закона о менее тяжком преступлении, а двух(трех-)месячный лимит для производства предварительного расследования исчерпан. Поиск баланса возможен, однако сторона обвинения должна как можно быстрее инициировать проведение рабочих встреч о возникающих проблемах, пока в

³⁷ Постановление Хорошевского районного суда города Москвы от 26.05.2025 №1-289/2025 // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

³⁸ См., например, апелляционное постановление Пермского краевого суда от 03.03.2025 №22-919/2025 // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

практике не устоялись не столь оптимальные варианты толкования положений ч. 2² ст. 27 УПК РФ.

Литература

1. Зенкин А. Неконституционность ч. 2² ст. 27 УПК о непричастности к преступлению // Законность. 2024. № 12. С. 53–56.
2. Казаков А.А. Истечение сроков давности уголовного преследования в разрезе последующего восстановления прав лица, пострадавшего от преступления, в гражданском процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1 (45). С. 80–86.

Ю.С. Каркошко

Московская академия
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Вопросы применения иных мер процессуального принуждения: обязательство о явке, привода

Аннотация. В статье анализируются основания применения иных мер процессуального принуждения: обязательство о явке, привод. Рассматриваются некоторые проблемные аспекты применения обязательства о явке, привода. На основе анализа некоторых судебных решений правоприменителям предлагаются определенные предложения.

Ключевые слова: порядок уголовного судопроизводства, принуждение, меры пресечения, обязательство о явке.

Законодателем в ст. 111 УПК РФ установлено, что в целях обеспечения установленного настоящим регламентом порядка уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, полномочно применить к субъекту, подвергнутого уголовному преследованию определенные меры процессуального принуждения: обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности и наложение ареста на имущество.

Кроме того, в этой же статье признается возможным, в ситуациях прямо предусмотренных процессуальным регламентом, к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому следующие меры процессуального принуждения: обязательство о явке; привод; денежное взыскание.

В силу положений обсуждаемой нормы закона иные меры процессуального принуждения, в отличие от мер пресечения, могут быть применены не только к подозреваемому, обвиняемому, но и к другим лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство, затрагивая при этом их права и свободы.

Следственный орган вправе самостоятельно применить лишь две меры

процессуального принуждения – обязательство о явке и привод. Для применения других мер в ходе предварительного расследования необходимо обращаться в суд с соответствующим ходатайством.

После завершения расследования суд, принявший уголовное дело к производству, вправе использовать любую из мер принуждения, перечисленных в обсуждаемой норме закона.

Рассмотрим особенности применения двух из иных мер процессуального принуждения - обязательство о явке, привод.

Статья 112 УПК РФ устанавливает, что при необходимости у подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего или свидетеля может быть взято обязательство о явке (часть первая); обязательство о явке состоит в оформлении письменного согласия субъекта, указанного в части первой данной статьи, своевременно являться по вызовам властного участника уголовного судопроизводства, а при перемене места пребывания без какого-либо промедления информировать об этом; субъекту разъясняются последствия нарушения обязательства, о чем делается соответствующая отметка в обязательстве (часть вторая). Положения рассматриваемой нормы закона предполагают применение указанной меры процессуального принуждения в отношении названных в ней субъектов лишь при необходимости, притом что такие субъекты сами соглашаются с принятием известных им обязательств. Применение к участнику уголовного процесса обязательства о явке обеспечивает лишь его личное участие в разбирательстве по уголовному делу и не влечет за собой ограничений его прав и свобод³⁹.

В дополнение к сказанному следует отметить, что законодатель обозначил закрытый круг субъектов, к которым может быть применено обязательство о явке.

При получении от участников уголовного судопроизводства обязательства о явке свобода передвижения таких лиц не ограничивается.

Например, апелляционной судебной инстанцией отмечено, что обязательство о явке не лишает лицо, в отношении которого оно применено, права свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, возможности вести сложившийся привычный уклад жизни⁴⁰.

Представляется целесообразным получать у них сведения не только о месте жительства, но и о других местах пребывания (учебы, работы, отдыха), что позволит учитывать их интересы при установлении времени явки по вызову

³⁹ См. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.12.2024 №3545-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Савиной Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части первой статьи 78, статьей 86 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 112 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

⁴⁰ Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 02.02.2015 по делу № 33-448/2015г. // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

правоприменителя.

К возможным последствиям нарушения обязательства о явке, лицом у которого оно отбирается, следует отнести, например, применение к нему другой меры принуждения в виде привода, а в отношении подозреваемого, обвиняемого и подсудимого меры пресечения, предусмотренной ст. 98 УПК РФ.

Видится допустимым получение обязательства о явке у подозреваемого, обвиняемого наряду с избранием ему меры пресечения в виде подписки о невыезде, поскольку уголовно-процессуальный закон этого не запрещает. Кроме того, высказанное утверждение находит свое подтверждение и в судебной практике.

Постановлением районного суда, с которым в целом согласился суд апелляционной инстанции, мера пресечения в отношении уголовно преследуемого лица в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении изменена, в связи с нарушениями ее условий, на заключение под стражу. При этом были отвергнуты доводы заявителя о том, что подписка о невыезде перестала действовать до поступления уголовного дела в суд, поскольку он давал соответствующее обязательство только на период предварительного следствия, а после избрания подписки о невыезде следователь применил иную, не являющуюся мерой пресечения принудительную меру - обязательство о явке.

Обвиняемый обратился с жалобой в орган конституционного надзора, оспаривая конституционность ст. 102 УПК РФ указал в жалобе, что уголовно-процессуальный регламент не конкретизирует срок применения данной меры пресечения, не определяет основания и порядок ее продления. При этом применение предусмотренного ст. 112 УПК РФ обязательства о явке, как полагал заявитель, фактически отменяет ранее избранную меру пресечения, и не устанавливает предельную продолжительность ограничений прав при переходе уголовного дела со стадии предварительного расследования в стадию судебного разбирательства.

Конституционный Суд Российской Федерации не усмотрел сведений, указывающих на возможность принятия данной жалобы к производству, и заметил, что предусмотренная отечественным уголовно-процессуальным регламентом (ст. 102) подписка о невыезде и надлежащем поведении избирается при наличии сведений, формирующих определенные основания и с учетом названных в нем обстоятельств (статьи 97 и 99). Эта мера не влечет ограничений, которые возможно поставить в один ряд с таким уголовным наказанием, как лишение свободы, и может быть применена в ходе предварительного расследования уголовного дела и в ходе судебного разбирательства, сроки которых регламентированы законом (статьи 162, 223, 226.6, 227 и 233), отменена, когда в ней отпадает необходимость, или изменена, когда меняются основания для ее избрания (ч. 1 ст. 110).

При этом обязательство о явке, которое при необходимости может быть получено от лица, преследуемого в уголовном порядке, а также потерпевшего или свидетеля, предполагает письменное разъяснение указанным субъектам обязанностей являться по вызову, а в случае перемены места жительства

незамедлительно сообщать об этом (п. 1 ч. 1 ст. 111 и ст. 112), а потому, вопреки мнению заявителя, применение к нему этой меры процессуального принуждения не влечет автоматической отмены действующей меры пресечения⁴¹.

Статьей 113 УПК РФ (Привод) определено, что в случае неявки по вызову без уважительных причин подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, свидетель и лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, могут быть подвергнуты приводу.

Такой привод заключается в принудительном доставлении лица к дознавателю, следователю или в суд. В то же время при наличии причин, препятствующих явке по вызову в назначенный срок, указанные лица, безотлагательно уведомляют орган, которым они вызывались.

Для осуществления привода необходимо, чтобы участник процесса, указанный в части первой обсуждаемой нормы закона, проигнорировал вызов дознавателя, следователя или суда. Другим обязательным условием для привода является отсутствие уважительных причин, препятствующих явке. В правоприменительной практике к уважительным причинам принято относить: заболевание лица, подлежащего приводу; чрезвычайное происшествие в виде аварии, стихийного бедствия и другое.

Постановление дознавателя, следователя, судьи или определение суда о приводе перед его исполнением объявляется лицу, которое подвергается приводу, что удостоверяется его подписью на постановлении или определении.

Привод не может производиться в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. В то же время ни при каких обстоятельствах не подлежат приводу лица, не достигшие четырнадцатилетнего возраста, беременные женщины и другие лица, которые по состоянию здоровья не могут покидать место своего нахождения, при этом данный факт должен подтверждаться медицинскими документами.

Запрещая осуществление привода в период с 22 часов до 6 часов, законодатель одновременно допускает «ночной привод» в случаях, не терпящих отлагательства, например, в ситуации, при которой доставляемого можно застать в определенном месте только в обозначенное время.

Привод производится органами дознания на основании постановления дознавателя, следователя, а также судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов - на основании постановления суда.

Законодатель, указывая на то, что привод состоит в принудительном доставлении лица к дознавателю, следователю или в суд, не освобождает орган, исполняющий такое решение, от соблюдения конституционных прав доставляемого на неприкосновенность личности, его чести и достоинства, а

⁴¹ Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 3351-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кавалерова Юрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

также жилища.

Решение о приводе оформляется постановлением дознавателя, следователя и поручается органу дознания, а после принятия уголовного дела судом исполняется службой судебных приставов на основании постановления суда. При этом процедура привода урегулирована ведомственными правовыми актами: в органах внутренних дел - приказом МВД России от 21.06.2003 № 438 «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления привода»⁴², в Федеральной службе судебных приставов – приказом Минюста России от 13.07.2016 № 164 «Об утверждении Порядка осуществления привода судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов»⁴³.

Литература

1. Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: Проспект, 2016. С. 400.
2. Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями: научно-практическое пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: Проспект, 2015. С. 320.
3. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 205.
4. Составление процессуальных документов в ходе досудебного производства по уголовным делам: учебно-методическое пособие / Вдовцов П.В., Казаков А.А., Каркошко Ю.С. Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2018.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. и науч. ред. А.В. Гриненко. М., 2021.

⁴² Российская газета. № 137. 11.07.2003.

⁴³ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 33. 15.08.2016.

Наложение денежного взыскания в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье анализируются основания и порядок наложения денежного взыскания в уголовном судопроизводстве. Рассматриваются некоторые проблемные аспекты наложения денежного взыскания в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: порядок уголовного судопроизводства, принуждение, денежное взыскание.

В силу положений статьи 117 УПК РФ (Денежное взыскание) в ситуациях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных уголовно-процессуальным регламентом и, кроме того, в случаях нарушения ими порядка в судебном заседании к ним может быть применена мера наказания – денежное взыскание. Одновременно законодателем в указанной норме определено, что сумма такого взыскания не может быть более двух тысяч пятисот рублей, а порядок его наложения раскрывается в ст. 118 УПК РФ.

Денежное взыскание, предусмотренное обсуждаемой статьей процессуального регламента, налагается судом. Такому взысканию могут быть подвергнуты лишь участники уголовного судопроизводства, указанные в ч. 2 ст. 111 УПК РФ. При этом нарушенные процессуальные обязанности указанных субъектов должны быть прямо предусмотрены нормами закона, определяющими их статус: потерпевший (ст. 42 УПК РФ), свидетель (ст. 56 УПК РФ), гражданский истец (ст. 44 УПК РФ), гражданский ответчик (ст. 54 УПК РФ), эксперт (ст. 57 УПК РФ), специалист (ст. 58 УПК РФ), переводчик (ст. 59 УПК РФ), понятой (ст. 60 УПК РФ) и присяжный заседатель (ст. 333 УПК РФ).

В определенных случаях наложить денежное взыскание на участников судопроизводства невозможно, поскольку они вправе отказаться от участия в процессуальных действиях. Так, согласно ч. 4 ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза в отношении потерпевшего, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2, 4 и 5 ст. 196 УПК РФ, а также в отношении свидетеля производится с их согласия или согласия их законных представителей.

Законодатель не включил подозреваемого и обвиняемого в круг субъектов, на которых возможно наложить такое взыскание. К этим участникам процесса из иных мер процессуального принуждения применяются обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество.

Например, Верховным Судом РФ были признаны обоснованными решения судов первой и апелляционной инстанций об удалении из зала суда подсудимых, нарушавших порядок судебного заседания, поскольку совершенные нарушения, преследующие цель воспрепятствования законному рассмотрению дела, а также

их последствия в сложившейся ситуации было невозможно пресечь и устраниТЬ иным образом, а ранее вынесенные нарушителям многочисленные замечания и предупреждения о возможности удаления их из зала суда оказались явно недостаточными мерами⁴⁴.

К адвокатам, участвующим в уголовном деле в качестве защитников или представителей, иные меры процессуального принуждения не применяются. Поэтому в случае нарушения ими процессуальных обязанностей они могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности в порядке, предусмотренном законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвоката, принятым первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003⁴⁵.

Статьей 118 УПК РФ устанавливается порядок наложения денежного взыскания. Так, полномочиями по наложению денежного взыскания законодателем наделен исключительно суд. В случае если соответствующее нарушение допущено в ходе судебного заседания, то вопрос о наложении взыскания рассматривается судом в том судебном заседании, где это нарушение было допущено, о чём выносится соответствующее определение или постановление суда.

Судом денежное взыскание, предусмотренное статьей 118 УПК РФ, применяется не только к участникам процесса, перечисленным в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, но и к иным лицам. Так, взыскание может быть наложено на поручителя (ст. 103 УПК РФ) и лицо, под присмотр которого был отдан несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый (ст. 105 УПК РФ), причем размер взыскания должен быть не более десяти тысяч, а также на присяжного заседателя (ст. 333 УПК РФ).

Кроме того, данная мера принуждения законом может быть применена к лицу, присутствующему в зале судебного заседания, при нарушении им порядка в судебном заседании, неподчинении распоряжениям председательствующего или судебного пристава (ст. 258 УПК РФ). Так, в пункте 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»⁴⁶ содержится разъяснение, что злоупотребление лицами, присутствующими в открытом судебном заседании, представителями редакций средств массовой информации (журналистами) правом на присутствие в судебном заседании и правом на фиксацию его хода, а равно осуществление фиксации хода судебного разбирательства без разрешения суда, когда такое разрешение необходимо в силу закона, являются нарушением порядка в судебном заседании. В этом случае

⁴⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 06.07.2022 № 223-УД22-12-А6 // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

⁴⁵ Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. № 2. 2003.

⁴⁶ Российская газета. № 292. 19.12.2012.

суд вправе применить в судебном заседании меры воздействия, предусмотренные ст. 258 УПК РФ.

Если соответствующее нарушение допущено в ходе досудебного производства, то дознаватель, следователь составляет протокол о нарушении. Представляется, что при составлении такого протокола лицу, оформляющему его, необходимо в порядке процессуальной аналогии, руководствоваться обязательными общими правилами протоколирования, установленными ст. 166 УПК РФ. Так, в протоколе указываются: место и дата производства действия, время его начала и окончания с точностью до минуты; должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол; фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в действии. Безусловно, протокол должен содержать обнаруженные юридически значимые сведения о действиях лиц, вовлеченных в уголовный процесс, воспринимаемых как нарушение порядка судопроизводства. Такой протокол направляется в суд по месту производства предварительного расследования, где должен быть рассмотрен в течение 5 суток с момента его поступления в суд. В судебное заседание приглашается лицо, в отношении которого рассматривается вопрос о наложении денежного взыскания, и лицо, составившее протокол. Неявка нарушителя без уважительных причин не препятствует рассмотрению протокола. К протоколу о нарушении прилагаются материалы, обосновывающие позицию следствия и информация, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов на перечисление суммы денежного взыскания, предусмотренными законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе.

Суд, рассмотревший протокол, вправе вынести постановление о наложении денежного взыскания, в том числе с отсрочкой или рассрочкой выплаты до 3 месяцев, либо отказать в этом следствию. Принудительное исполнение постановления суда будет осуществляться судебными приставами по месту жительства привлеченного к ответственности.

Литература

1. Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: Проспект, 2016. 400 с.
2. Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями: научно-практическое пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: Проспект, 2015. 320 с.
3. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: ИНФРА-М, 2023. 205 с.
4. Составление процессуальных документов в ходе досудебного производства по уголовным делам: учебно-методическое пособие / Вдовцев П.В., Казаков А.А., Каркошко Ю.С. Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2018. 136 с.

Значение информации, извлекаемой из мобильных устройств при расследовании преступлений

Аннотация. В статье дается характеристика типичные способы извлечения данных из мобильных устройств. Акцентируется внимание на видах извлекаемых данных из мобильных устройств. Автором показан порядок использования извлекаемых данных из мобильных в процессе расследования преступлений. В работе фиксируется внимание на криминалистической значимости полученной информации из мобильных устройств в целях расследования преступлений.

Ключевые слова: информация; мобильное устройство; расследование преступлений; извлечение информации.

Развитие общества характеризуется высокой степенью цифровизации всех сфер жизни. Не является исключением и криминальная сфера, где в преступной деятельности активно используются различные мобильные устройства. Эти мобильные устройства становятся ключевыми источниками криминалистически значимой – доказательственной информации. Как правило любое мобильное устройство содержат огромное количество личной информации пользователей, которую целесообразно использовать для установления фактов преступления, идентификации подозреваемых и выяснения иных обстоятельств произошедшего события. В мобильных устройствах содержатся важнейшие персональные данные позволяющие использовать их в процессе расследования преступлений, как, история звонков; данные телефонной книги; данные электронных сообщений, передаваемые посредством в том числе различных мессенджеров; данные о перемещении и местоположении пользователя; фото-видео записи и другие медиа данные.

В деятельности следственных органов Следственного комитета активно ведется работа по использованию данных, полученных из мобильных устройств, при расследовании преступлений. Это стало возможным благодаря развитию технологий и совершенствованию методов анализа цифровой информации. При этом необходимо отметить, что в последнее время наблюдается увеличение использования данных, извлекаемых из мобильных устройств, в процессе расследования преступлений, и это объективный процесс, подтверждающий вышеизложенный тезис.

Законодательно регламентирована процедура получения и использования данных из мобильных устройств в ходе расследования преступлений. Эта процедура предусматривает несколько этапов: получение физического доступа к устройству; копирование содержимого памяти – извлечение логического и физического дампа памяти; расшифровка – декодирование зашифрованных данных и их последующий анализ.

Для выполнения данных действий в следственной и экспертной практике следственных органов Следственного комитета применяются аппаратно-программные комплексы, зарубежного и отечественного производства. Извлеченные и проанализированные данные могут быть использованы в ходе расследования преступления.

Так, в частности, осуществляется анализ истории звонков и сообщений⁴⁷, что позволяет установить контакты подозреваемого по уголовному делу с другими лицами, а также время и содержание разговоров; геолокационные данные – позволяют установить перемещение владельца мобильного устройства, что помогает воссоздать маршрут передвижения и определить местонахождение в конкретный момент времени⁴⁸. Анализ извлеченных медиа данных, таких как фотографий и видеозаписей, позволит выявить важные сведения, такие как снимки места происшествия или видеозаписи действий подозреваемого.

Подробный экспертный анализ приложений и активности в социальных сетях позволяет выявить криминалистически-значимую информацию из мессенджеров, социальных сетей и других приложений которая часто используется для общения между соучастниками преступления⁴⁹.

Данные, извлекаемые из мобильных устройств, играют важную роль в современном расследовании преступлений. Они позволяют следователям получать ценную информацию о действиях подозреваемых, жертвах и свидетелях, а также устанавливать связи между участниками преступления. Однако для эффективного использования этих данных необходимо соблюдение правовых норм и применение современных технических средств анализа. Примеры из практики Следственного комитета России показывают высокую эффективность применения данных мобильных устройств в расследовании различных видов преступлений.

В качестве показательного примера иллюстрирующего криминалистическую значимость данных извлекаемых из мобильных устройств следует указать положительный пример расследования серии террористических актов в Волгограде в 2013 г. По данным Следственного комитета в декабре 2013 года после серии взрывов в Волгограде мобильные устройства оказались ключевым элементом в расследовании этих преступлений. Анализ звонков и сообщений террористов позволил следователям криминалистам восстановить цепочку

⁴⁷ Скобелин С.Ю. Осмотр детализации соединений абонентов (тактические аспекты) // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 1. С. 60–63.

⁴⁸ Киселев Е.А., Забавина А.Ю. Проблемы законодательной регламентации использования данных спутниковых навигационных систем в раскрытии и расследовании преступлений // Российский следователь. 2015. № 4. С. 7–11.

⁴⁹ Казачек Е.Ю. О положительном опыте использования данных, содержащихся в компьютерном устройстве – мобильном телефоне в расследовании должностных и коррупционных преступлений // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 30 мая 2024 года. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 32–37.

подготовки к теракту, а также установить личности всех соучастников преступной группировки. Все это позволило предотвратить дальнейшие атаки выявить и арестовать оставшихся членов террористической ячейки⁵⁰.

Приведенные примеры подтверждают важное значение информации, извлекаемой из мобильных устройств при расследовании преступлений, а также актуализируют необходимость дальнейшего совершенствования способы извлечения данных из мобильных устройств, а также приемов и методов их использование в процессе расследования преступлений.

Литература

1. Казачек Е.Ю. О положительном опыте использования данных, содержащихся в компьютерном устройстве – мобильном телефоне в расследовании должностных и коррупционных преступлений // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 30 мая 2024 года. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 32–37.
2. Киселев Е.А., Забавина А.Ю. Проблемы законодательной регламентации использования данных спутниковых навигационных систем в раскрытии и расследовании преступлений // Российский следователь. 2015. № 4. С. 7–11.
3. Скобелин С.Ю. Осмотр детализации соединений абонентов (тактические аспекты) // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 1. С. 60–63.

К.С. Комарских

Управление общественно-политической работы
Следственного комитета

Дискреционные полномочия следователя: история наделения полномочиями и актуальные проблемы

Аннотация. В настоящей статье освещается отечественный опыт наделения следователя дискреционными полномочиями. Рассматриваются основные проблемы наделения следователя такими полномочиями. В статье также обсуждаются предложения по совершенствованию законодательства и практики, направленные на минимизацию коррупционных рисков и обеспечение справедливости в уголовном процессе.

Ключевые слова: следователь, дискреционные полномочия, уголовный процесс, законность, коррупционные риски.

⁵⁰ Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru>.

Законодатель не может регламентировать каждый шаг правоприменителя в различных жизненных ситуациях, в связи с чем последние в некой степени надеются самостоятельностью, для разрешения конкретных вопросов. В связи с этим некоторые представители органов государственной власти надеются на дискреционными полномочиями, иными словами, надеются на право действовать по собственному усмотрению, выбирая варианты решений в пределах предоставленных им полномочий. В частности, в уголовном процессе такими полномочиями обладает следователь, в связи с индивидуальностью уголовных дел и зачастую в необходимости принятия нетипичных решений, в зависимости от обстоятельств совершенного преступления, личности преступника, потерпевших и т.д. Иными словами, из-за невозможности нормативно-правовой регламентации всего многообразия жизненных ситуаций, которые попадают в сферу действия уголовно-правовых правоотношений. При этом, законодатель относительно недавно наделил следователя такой широкой самостоятельностью и все это происходило постепенно.

Зарождение процессуальной самостоятельности следователя и наделения его дискреционными полномочиями произошло еще в 1864 году. Именно тогда был принят Устав уголовного судопроизводства, который закреплял дискреционные полномочия в деятельности следователя. Во второй главе устава под названием «существо обязанностей и степень власти судебных следователей» в статье 264 было регламентировано принятие следователем своей собственной властью всех мер, кроме тех, в которых власть его положительно ограничена законом, необходимых для производства следствия. Вместе с тем, судебный следователь надеялся на право по своему усмотрению дополнять и отменять действия полиции (ст. 269), при встрече «сопротивления» имеет право требовать содействия гражданского или военного начальства, окольных людей и т.д⁵¹. Стоит так же отметить, что в данном уставе, а также в «Основных положениях преобразования судебной части в России» произошло законодательное закрепление разделения судебной от обвинительной власти.

В последующем, согласно Положения о народном суде РСФСР, утвержденном в 1920 году, народным следователям предоставлялся более широкий спектр самостоятельно принимаемых решений⁵². Например, связанные с возбуждением уголовного дела, с привлечением лица в качестве обвиняемого, с проведением следственных действий и т.д. Но при этом, уже 28 мая 1922 года было принято «Положение о прокурорском надзоре», согласно которого был существенно увеличен прокурорский надзор за деятельностью следователя и ограничена

⁵¹Устав уголовного судопроизводства 1864 года // URL: <https://constitution.garant.ru> (дата обращения: 10.05.2025).

⁵² Декрет ВЦИК от 21.10.1920 «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.05.2025).

самостоятельность последнего⁵³. В полномочиях прокуратуры была и дача указаний о направлении вектора расследования того или иного уголовного дела. Затем, в сентябре 1927 года следственный аппарат полностью перешел в подчинение прокуратуре, а с 5 ноября 1936 года в Прокуратуре СССР был создан Следственный отдел и с этого времени сформировалась прокурорская модель органов следствия⁵⁴.

В дальнейшем, федеральным законом от 5 июня 2007 года были внесены изменения в закон «О прокуратуре Российской Федерации», вследствие чего было устранено административное давление, а также установлена самостоятельность и независимость следователя⁵⁵. Это позволило следователю пользоваться дискреционными полномочиями, предоставленными УПК РФ. Так, согласование ряда решений с прокурором на стадии возбуждения, расследования и прекращения уголовного дела было исключено. В 2017 году ряд дискреционных полномочий следователя был изменен, а права защиты расширены⁵⁶.

Можно наблюдать, что процесс наделения следователя дискреционными полномочиями в отечественной истории происходил постепенно на протяжении долгого периода времени. В настоящее время следователь по своему усмотрению направляет ход расследования уголовного дела. Например, может не проводить следственные действия, если считает их проведение нецелесообразным и затягивающим процесс, или имеет право отказать в удовлетворении ходатайства со стороны защиты о проведении следственного эксперимента и т.д.

На сегодняшний день идут дискуссии относительно наделения следователя дискреционными полномочиями. Некоторые ученые выделяют проблему «усмотрения», и относятся к наделению такими полномочиями с настороженностью в связи с тем, что зачастую достаточно трудно провести грань между усмотрением и произволом. При этом, принципы права определяют пределы усмотрения следователя. Тут также стоит согласиться с позицией А.В. Демина, который полагает, что сводить свободу выбора правоприменителя к осуществлению лишь субъективных прав ошибочно, поскольку диспозитивность может также проявляться при реализации юридических

⁵³ Декрет ВЦИК от 28.05.1922 «Положение о прокурорском надзоре». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.05.2025).

⁵⁴ Постановление СНК СССР от 05.11.1936 «О структуре Прокуратуры Союза ССР» URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.05.2025).

⁵⁵ Федеральный закон от 05.06.2007 №87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.05.2025).

⁵⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 17.04.2017 №73-ФЗ // URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.05.2025).

обязанностей, когда правоприменитель в пределах нормы выбирает наиболее оптимальный вариант должного поведения⁵⁷.

Из этой проблемы также вытекает проблема коррупционных рисков. Т.Л. Козлов и А.В. Кудашкин говорят о том, что «коррупции может быть подвержен любой человек, обладающий дискреционной властью, имеющий полномочия и использующий их вопреки законным интересам общества и государства в своих личных интересах или в интересах иных лиц»⁵⁸. При этом, стоит отметить позицию А.Ю. Афанасьева, который считает, что именно излишняя диспозитивность нормы является предпосылкой ее коррупциогенности. И основная задача законодателя состоит в том, чтобы уменьшить диспозитивность там, где она приводит к получению взяток должностными лицами⁵⁹.

Подытоживая все вышеизложенное, можно прийти к выводу, что в развитии правовой системы является необходимостью наделение дискреционными полномочиями следователя. Каждое уголовное дело индивидуально и невозможно законодательно предусмотреть эффективные для всех уголовных дел порядок и условия их производства. Однако при этом, для минимизации и сведения к нулю рисков, связанных с получением указанных полномочий, возникает необходимость в проработке и внедрении механизмов, исключающих различные негативные явления и соблазны использовать свои полномочия из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности.

Литература

1. Афанасьев А.В. Коррупционные риски доказательственного права в уголовном процессе (досудебное производство): автореферат дис. канд. юрид. наук:12.00.09. Нижний Новгород, 2016. 33 с.
2. Демин А.В. Диспозитивность как общеправовой концепт // Право и государство. 2016. №3 (72). С. 94–100
3. Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2010. № 6. с. 3–8.

⁵⁷ Демин А.В. Диспозитивность как общеправовой концепт // Право и государство. 2016. №3 (72). С. 95.

⁵⁸ Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2010. № 6. С. 3.

⁵⁹ Афанасьев А.Ю. Коррупционные риски доказательственного права в уголовном процессе (досудебное производство): автореферат дис. ...канд. юрид. наук:12.00.09. Нижний Новгород, 2016. С. 21.

К вопросу возможного заочного привлечения в качестве обвиняемого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства

Аннотация. Рассматривается порядок заочного судебного разбирательства, анализируется возможность применения данной формы уголовного судопроизводства на досудебных стадиях.

Ключевые слова: досудебное судопроизводство, заочное судебное разбирательство, предъявление обвинения, розыск, экстрадиция.

В настоящее время понимание заочного уголовного судопроизводства по уголовным делам в качестве дифференцируемой формы уголовного судопроизводства закреплено только в отношении стадий судебного разбирательства.

В силу части 1 статьи 247 УПК Российской Федерации (далее – УПК) судебное разбирательство уголовного дела проводится при обязательном участии подсудимого, за исключением случаев, предусмотренных частями 4 и 5 указанной статьи.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), рассматривая обращения о возможности применения аналогии закона для распространения заочной формы на досудебное производство, отметил, что федеральным законодателем установлен исчерпывающий перечень случаев заочного рассмотрения уголовных дел, расширение которого является правом федерального законодателя. Правовой неопределенности в указанных нормах, по мнению Конституционного Суда, не имеется⁶⁰.

Если исходить из буквального толкования действующего УПК, то применительно к досудебному производству заочное привлечение к уголовной ответственности не предусмотрено, а процедура предъявления обвинения по своей правовой природе носит только непосредственный характер, предполагающий личное участие обвиняемого.

При этом, среди ученых-процессуалистов и практиков возникают вопросы относительно возможности предъявления обвинения лицу, уклоняющемуся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации.

В юридической литературе сформировалось мнение, согласно которому факт «отсутствия предъявления обвинения непосредственно самому обвиняемому...не служит препятствием к разрешению дела по существу в его отсутствие.

⁶⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12.05.2016 г. № 1002-О «По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс

Представляется, что заочное судебное разбирательство может проводиться и тогда, когда обвинение лично не предъявлено обвиняемому, раз присутствуют все необходимые основания и условия»⁶¹.

При этом есть и другое мнение, исходя из которого «идея о существовании заочного порядка привлечения в качестве обвиняемого представляется сомнительной», не основывающейся на уголовно-процессуальном законе, а «неучастие обвиняемого при предъявлении обвинения не может рассматриваться как форма предъявления обвинения»⁶².

Анализ следственной и судебной практики свидетельствует, что суды выносят обвинительные приговоры в заочном производстве по делам, по которым и обвинение на стадии предварительного следствия предъявлялось заочно⁶³.

Рассмотрим подробнее такой порядок. Основанием для заочного предъявления обвинения является невозможность обеспечить личное присутствие обвиняемого по месту производства предварительного следствия на территории Российской Федерации для того, чтобы предъявить обвинение в очной форме.

В качестве условий для заочного предъявления обвинения рассматриваются обстоятельства, указанные в части 5 статьи 247 УПК, а именно:

- а) обвинение лица в совершении тяжких (особо тяжких преступлений);
- б) нахождение обвиняемого за пределами территории Российской Федерации и уклонение его от явки к следователю;
- в) подтверждение того, что обвиняемый не привлечен к ответственности за совершение инкриминируемых ему преступлений на территории иностранного государства.

По нашему мнению, помимо перечисленных обязательных условий, органы следствия, должны предпринять меры по надлежащему уведомлению такого лица о месте и времени предъявления ему обвинения, и только в случае его неявки предъявить обвинение заочно.

Обязательное уведомление обвиняемого, находящегося на территории иностранного государства, диктуется тем, что существует вероятность неосведомленности такого лица о факте осуществления в отношении него уголовного преследования, что в дальнейшем может быть расценено как нарушение права на защиту. Международная практика свидетельствует, что разбирательство *in absentia* является совместимым со ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, если осужденный был

⁶¹ Казаков А.А. Заочное судебное разбирательство: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 280 с.

⁶² Купрейченко С.В. Заочное судопроизводство в Российской Федерации по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 133.

⁶³ Грузинский наемник заочно приговорен к лишению свободы за участие в вооруженном конфликте на стороне Украины; Литовский наемник заочно осужден к лишению свободы за участие в вооруженном конфликте на стороне Украины; Наемник из Латвии заочно осужден за участие в вооруженном конфликте на стороне ВФУ. См.: <http://sledcom.ru/about>; <https://www.kommersant.ru/doc/7566487>.

заблаговременно вызван и проинформирован о ведущемся против него процессе⁶⁴.

В рассматриваемой ситуации должностное лицо органа предварительного расследования направляет запрос компетентным органам иностранного государства, в котором просит вручить обвиняемому уведомление о вызове его на территорию Российской Федерации для предъявления обвинения, прилагая к нему копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

При этом в данном уведомлении должна содержаться дата явки, которая определяется с учетом положений международных договоров. Например, Российская Федерация в соответствии со ст. 7 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959 г.) заявила о необходимости передачи поручения о вручении повестки о явке лица не менее, чем за 50 дней до установленной даты явки лица.

В уведомлении также необходимо указать, что в случае, если обвиняемый не прибудет к месту предъявления обвинения, ему будет предъявлено обвинение заочно в присутствии его защитника, которого он вправе пригласить самостоятельно, либо ходатайствовать об обеспечении защитника следователем, либо защитник будет назначен непосредственно органом предварительного расследования. В данной ситуации при вручении такого уведомления компетентные органы иностранного государства не будут осуществлять уголовное преследование, а лишь вручат процессуальный документ.

При неявке обвиняемого в указанный следователем срок следователь предъявляет обвинение заочно.

Следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство некоторых иностранных государств в настоящее время содержит положения о заочном предъявлении обвинения (УПК Казахстана, УПК Грузии и др.).

В практической деятельности также возникают ситуации, когда обвиняемый скрывается от органов следствия за пределами территории Российской Федерации и его розыск не дает положительных результатов, вследствие чего возникает вопрос о возможности применения указанную выше процедуры в таких случаях.

В этом ключе, прежде всего, следует обратиться к п. 13 постановления от 22.12.2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству», в котором Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал под исключительными случаями, когда суд вправе провести судебное разбирательство заочно при наличии условий, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК, в частности, общественную опасность преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, необходимость возмещения потерпевшему существенного вреда, причиненного преступлением, *случаи, когда розыск*

⁶⁴ См. Европейский суд по правам человека: Избранные решения: в 2 т. Москва: Норма и др., 2000.

обвиняемого не дал положительных результатов, невозможность осуществить экстрадицию⁶⁵ (выделено нами, – А.Н.).

Во-первых, как видим, разъяснение по-прежнему относится только к стадии судебного разбирательства. Во-вторых, если одним из условий заочного предъявления обвинения ставится обязательное уведомление лица, очевидно, что случаи, когда розыск его не дал положительных результатов, не могут рассматриваться в практической деятельности следственных органов. А вот невозможность осуществить экстрадицию вполне может быть признана исключительным обстоятельством, позволяющим провести дальнейшее расследование с заочным привлечением в качестве обвиняемого.

Поэтому в настоящее время возможно вести речь о допустимости заочного предъявления обвинения только применительно к обвиняемым, уклоняющимся от органов предварительного расследования за пределами территории Российской Федерации, местонахождение которых при этом известно, с обязательным внесением соответствующих изменений в действующее законодательство.

Литература

1. Европейский суд по правам человека: Избранные решения [Текст]: в 2 т. / [редкол.: В. А. Туманов и др.]. Москва: Норма и др., 2000. ISBN 5-89123-405-X
2. Казаков А.А. Заочное судебное разбирательство: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 280 с.
3. Клевцов К.К., Новиков А.М. Заочное привлечение лиц, скрывающихся за рубежом, в качестве обвиняемых: современное состояние и перспективы развития // Библиотека криминалиста. Научный журнал.2017. № 6 С. 261–271.
4. Купрейченко С.В. Заочное судопроизводство в Российской Федерации по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 133.

⁶⁵ Клевцов К.К., Новиков А.М. Заочное привлечение лиц, скрывающихся за рубежом, в качестве обвиняемых: современное состояние и перспективы развития // Библиотека криминалиста. Научный журнал.2017. № 6. С. 261–271.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части регулирования расследования преступлений, совершенных в особых условиях

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы уголовно-процессуального регулирования расследования преступлений, совершенных в особых условиях. Автор анализирует пробелы действующего УПК РФ, затрудняющие деятельность следователей и оперативных сотрудников в условиях стихийных бедствий, техногенных катастроф, эпидемий и иных кризисных ситуаций, попадающих по своей сути под особые условия. Автор формулирует предложения, направленные на правовое закрепление механизмов, давно применяемых на практике, но не получивших достаточной кодификации. Обоснована необходимость включения в УПК РФ отдельной главы, регулирующей «дискретные» полномочия участников уголовного судопроизводства, экстренную фиксацию доказательств, а также перераспределение юрисдикции. Представлен обзор зарубежной практики, мнение российских и международных учёных, а также позиции критиков реформ. Делается вывод о допустимости и целесообразности модернизации с учётом механизмов правового контроля.

Ключевые слова: особые условия; уголовный процесс; чрезвычайная ситуация; УПК РФ; следствие; дискретные полномочия; доказательства; международный опыт.

В ситуациях, сопряжённых с особыми условиями эффективность уголовного судопроизводства во многом зависит от степени его гибкости и адаптивности. Особые условия⁶⁶, такие как стихийные бедствия, техногенные катастрофы, эпидемиологические угрозы или вооружённые конфликты, политическая нестабильность или массовые беспорядки, создают дополнительную угрозу безопасности общества и государства. Ключевые пробелы действующего уголовно-процессуального законодательства, препятствуют полноценному и законному расследованию преступлений в подобных условиях.

Опыт последних лет, в том числе пандемии 2020–2021 годов и специальной военной операции (СВО), показал: уголовно-процессуальная система Российской Федерации не в полной мере подготовлена к функционированию в

⁶⁶ Озеров И.Н. О сущности и классификации особых условий при организации раскрытия и расследования преступлений // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 3 (41). С. 98–107; Озеров И.Н. Организация раскрытия и расследования преступлений в особых условиях. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. 142 с.; Озеров И.Н. Осуществление оперативно-разыскной деятельности в особых условиях // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 2 (32). С. 109–112.

условиях правовой и организационной нестабильности. Следователи, прокуроры, судьи и оперативные сотрудники вынуждены принимать решения в правовом вакууме, опираясь не столько на нормы, сколько на собственный здравый смысл и профессиональный опыт. Такая ситуация, с одной стороны, свидетельствует о высоком уровне индивидуальной правовой культуры, а с другой — об остром дефиците нормативных ориентиров. В отечественном законодательстве отсутствует универсальное определение термина "особые условия" применительно к уголовному судопроизводству. Между тем, на практике речь может идти о ситуациях, при которых проведение следственных действий связано с угрозой жизни и здоровью (зоны подтоплений, заражения, боевых действий); функционирование судов, прокуратуры и органов дознания существенно ограничено или полностью приостановлено; нарушена логистика, отсутствует доступ к техническим средствам, связи и архивам.

Примечательно, что отдельные нормы УПК РФ всё же допускают отклонения от процессуального стандарта — например, при необходимости получения доказательств в особом порядке. Однако эти положения явно фрагментарны и не охватывают всех аспектов правоприменения.

Как мы видим, имеют место слабые места процессуального регулирования, своего рода «нормативный дефицит». Действующее уголовно-процессуальное законодательство исходит из презумпции нормальных условий расследования. Среди проблемных моментов: отсутствие нормативных предписаний о допустимости дистанционного допроса или очной ставки при объективной невозможности личного контакта; отсутствие механизма правомерного временного перераспределения территориальной юрисдикции между судами в случае их недоступности; процессуальные сроки в условиях непреодолимой силы продолжают течь формально, что влечёт риски отказа в возбуждении дел, прекращения расследований и признания доказательств недопустимыми.

Современные условия требуют не только гибкости уголовно-процессуального регулирования, но и нормативного закрепления т.н. дискретных возможностей следственных и оперативных подразделений — то есть право реализовать определённые полномочия вне стандартной процедурной последовательности, если обстоятельства требуют немедленного вмешательства.

Дискретные возможности — это заранее определённые в законе процессуальные права, активизируемые только при наступлении условий, признанных чрезвычайными. Их реализация может включать: право на самостоятельное принятие решения о способе фиксации доказательств (например, видеосъёмка без понятых в зоне затопления); возможность инициировать экстренное ограничение прав подозреваемого (например, временное перемещение в безопасную зону) без немедленного санкционирования судом, с последующим уведомлением прокурора; право на временное отклонение от сроков, предусмотренных главами 19–21 УПК РФ, с обязательной фиксацией причин и сроков восстановления.

Эти механизмы должны быть чётко прописаны в соответствующей новой главе УПК, предусматривающей ответственность за злоупотребление такими правами, что обеспечит баланс между гибкостью и законностью.

В целях устранения указанных проблем считаем необходимым ввести в УПК РФ новую главу, условно именуемую «Особенности производства в особых условиях». В ней закрепить: допустимость использования технических средств фиксации (видеосвязь, дроны, цифровая экспертиза) без традиционной процессуальной обвязки, с последующим процессуальным подтверждением; условия для временной приостановки сроков следствия и дознания по инициативе следователя с последующим утверждением прокурором или судом; механизм автоматического переноса дел в ближайшие функционирующие суды. Также, предусмотреть отдельную статью, регулирующую "экстренное производство доказательств", с минимальными формальными требованиями и последующей правовой верификацией, и допустить правовую возможность ведения следствия на основании электронных материалов, подтверждённых техническими средствами фиксации и защищённой цифровой подписью.

Особого внимания заслуживает правоприменительная практика зарубежных стран, где в течение последних десятилетий сформировались устойчивые правовые механизмы адаптации уголовного судопроизводства к условиям кризиса.

Во Франции в условиях чрезвычайных ситуаций, таких как террористические угрозы, применяется режим чрезвычайного положения, регулируемый Законом № 55-385 от 3 апреля 1955 года⁶⁷. Этот режим предоставляет правоохранительным органам расширенные полномочия, включая возможность проведения обысков и задержаний без предварительного судебного разрешения. Однако такие меры подлежат последующему судебному контролю для обеспечения соблюдения прав граждан. Французский опыт отличается высоким уровнем институциональной готовности к ЧС. В рамках закона об общественной безопасности (*Codedelasécuritéintérieure*) предусмотрена работа "мобильных следственных единиц" (*unitésd'enquêtemobiles*), которые комплектуются из сотрудников прокуратуры, жандармерии и криминалистических лабораторий. Эти группы оснащены портативной техникой, мобильными средствами видеосвязи и имеют право проводить допросы, осмотры и изъятия прямо на месте происшествия. Кроме того, существует платформа *Plateforme TGI* – электронная система взаимодействия между следственными органами и судом в условиях ограничения физического доступа.

Израиль с момента своего основания находится в состоянии чрезвычайного положения, что отражено в статье 39 Основного закона. Он предоставляет правительству возможность издавать чрезвычайные регламенты, которые могут временно изменять или приостанавливать действие обычных законов. Однако такие регламенты подлежат принципу пропорциональности и судебному контролю, как указано в решениях Верховного суда Израиля, например, в деле

⁶⁷ URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения 06.06.2025).

Poraz⁶⁸. В условиях повышенной террористической угрозы и регулярных чрезвычайных ситуаций используется правовой режим, допускающий проведение следственных действий в зоне боевых действий с последующим процессуальным оформлением. Согласно законодательству, следственные органы могут применять особые меры обеспечения безопасности, включая задержание и допрос без предварительного санкционирования, если существует непосредственная угроза жизни. При этом все действия должны быть протоколированы и подтверждены в течение 48 часов соответствующим прокурором или военным судьёй. Также действуют так называемые полевые суды, где выездные следователи, прокуроры и судьи действуют в единой оперативной группе

В Германии установление чрезвычайных судов запрещено статьёй 101 Основного закона (*Grundgesetz*). Однако в условиях чрезвычайных ситуаций, таких как пандемия COVID-19, были введены специальные меры, включая временное изменение процедур судебных заседаний, например, использование видеоконференций, регулируемое § 128а Гражданского процессуального кодекса (*ZPO*). Эти меры направлены на обеспечение функционирования судебной системы при соблюдении прав граждан.⁶⁹ Немецкий УПК (*StPO*) предусматривает механизм временной передачи дел между судами в случае невозможности отправления правосудия в конкретной юрисдикции (например, § 42, 58 *StPO*). Закон допускает упрощённую процедуру санкционирования следственных действий судом и использование электронных решений с усиленной квалифицированной подписью.

После наводнений в долине реки Аэр (2021 г.), Федеральная прокуратура Германии ввела практику мобильных следственных команд и цифрового документооборота через платформу *ElektronischesGerichts- undVerwaltungspostfach* (EGVP). Такая практика позволяет ускорить взаимодействие между ведомствами и предотвратить утрату процессуальных сроков

В Соединённых Штатах в условиях чрезвычайных ситуаций применяются специальные судебные процедуры. Например, Суд по надзору за иностранной разведкой (FISC), созданный в соответствии с Законом о наблюдении за иностранной разведкой (FISA) 1978 года, рассматривает запросы на проведение наблюдения за иностранными агентами. Кроме того, в условиях военных конфликтов применяются военные комиссии, регулируемые Законом о военных комиссиях (MilitaryCommissionsAct) 2006 года, для судебного разбирательства в отношении враждебных боевиков.⁷⁰ Система уголовного судопроизводства в США предусматривает применение норм, адаптированных к условиям кризиса, на федеральном и уровне отдельных штатов. Особенно показательным является опыт FEMA Courts (специальных подразделений в рамках Федерального

⁶⁸ URL: <https://fs.knesset.gov.il> (дата обращения 06.06.2025).

⁶⁹ URL: <https://www.bundestag.de> (дата обращения 06.06.2025).

⁷⁰ URL: <https://www.fema.gov>; <https://www.grid.ac> (дата обращения 06.06.2025).

агентства по чрезвычайным ситуациям), позволяющих судопроизводству продолжаться даже в зоне бедствия. Во время ураганов "Катрина" и "Сэнди" (2005, 2012 гг.) такие суды действовали в мобильных форматах — палатках, школах, временных постах — и обладали правом проводить предварительные слушания и санкционировать следственные действия.

В ряде штатов также допускается проведение видеодопросов, фиксация объяснений, а также электронная подача ходатайств. Все доказательства, собранные в таких условиях, признаются допустимыми при условии последующего подтверждения в нормальной обстановке

Эти примеры демонстрируют различные подходы к регулированию уголовно-процессуальной деятельности в особых условиях в разных странах. Они демонстрируют, что эффективная модель ЧС-правосудия возможна при наличии как нормативной базы, так и институциональных инструментов цифрового взаимодействия и межведомственной мобильности. Анализ правоприменительной практики ряда государств показывает, что в США существует система федеральных «экстренных судов», чьи полномочия временно расширяются в условиях стихийных бедствий; В Германии предусмотрено временное перераспределение дел в соседние суды, если основной орган юстиции недоступен; Израиль допускает проведение допросов в зоне боевых действий с последующей передачей записей прокурору и суду без очного контакта; Франция применяет формат мобильных следственных групп и упрощённую процедуру санкционирования следственных действий с использованием цифровой платформы.

Очевидно, что многие из этих решений могут быть адаптированы к российской правовой системе, с учётом её федеративного устройства и централизованного характера судоустройства.

Не менее важны в данном контексте вопросы взаимодействия следователя с оперативно-розыскным органом в целях раскрытия и расследования преступлений. Зарубежная практика в сфере оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в особых условиях демонстрирует наличие более развитых и гибких форм правового регулирования по сравнению с российским законодательством.

В ФРГ оперативно-розыскная деятельность регулируется Законом о федеральной службе уголовной полиции (BKA-Gesetz) и рядом земельных нормативных актов. В условиях угрозы национальной безопасности или крупных ЧС допускается активное использование технических средств (видеонаблюдение, контроль сообщений) с последующим судебным контролем. Закон допускает применение превентивных мер без возбуждения уголовного дела, что позволяет действовать упреждающе, а не реактивно. В Соединённых Штатах правовой режим ОРД в кризисных ситуациях основан на законах PATRIOT Act (2001) и HomelandSecurityAct (2002). Эти акты предусматривают расширенные полномочия федеральных агентств по слежке, сбору цифровых данных и внедрению в потенциально опасные группы. При этом осуществляется жёсткий надзор со стороны специальных судебных органов, включая FISA Court.

Израильское законодательство допускает экстренное проведение оперативных мероприятий на основании приказа генерального прокурора, в обход обычных процедур санкционирования. Это оправдано в условиях постоянной террористической угрозы. Однако такие меры жёстко лимитированы по срокам (до 72 часов) и требуют обязательного последующего правового одобрения.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ предусматривает необходимость санкции суда или прокурора на большинство мероприятий. Однако в условиях ЧС специального порядка не предусмотрено, что ограничивает мобильность и оперативность реагирования. Более того, российское законодательство не содержит положений об электронном документообороте, удалённом контроле и упрощённой процедуре фиксации информации в условиях кризиса.

Можно долго рассуждать о необходимости существования данного института. Поднимать проблемы допустимости временных упрощённых процедур и дискретных полномочий; цифровизации ОРД и её интеграции с уголовно-процессуальными механизмами; прозрачности механизмов последующего контроля. Как показывает практика, назрела острая необходимость нормативного закрепления механизмов реагирования в условиях кризисов в сфере уголовного правосудия. Право должно предусматривать не только форму, но и поведение в непредвиденных обстоятельствах; чрезвычайное положение не должно быть правовой пустотой.

Реализация процессуальных гарантий в особых условиях возможна лишь при наличии гибких, но правовых рамок, которые описывают поведение правоприменителя, а не только его обязанность. Эти выводы коррелируют с позицией российских учёных и подтверждают, что дискуссия об адаптации уголовно-процессуальных стандартов в особых условиях имеет транснациональное значение и должна вестись в логике баланса между эффективностью и правовыми гарантиями.

Вопрос необходимости регламентации расследования преступлений в особых условиях неоднократно поднимался в научной юридической литературе⁷¹. Есть мнения⁷², что уголовный процесс в кризисный период неизбежно приобретает

⁷¹ Бычков В.В. Стадия возбуждения уголовного дела – нарушение конституционных прав граждан // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1(12). С. 41–51; Щерба С.П., Ларина А.В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ / под редакцией С.П. Щербы. Москва: Юрлитинформ, 2021. 152 с.; Гулиева Н.И. Проблемы реализации принципа дискреционного уголовного преследования в российском и зарубежном уголовном судопроизводстве: специальность 12.00.09.– Уголовный процесс: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2004. 182 с.; Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. М.: РГУП, 2017. 564 с.

⁷² Григорьев В.Н. О перспективах тактического приема осмотра места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика :

черты правовой адаптации, где допускается ситуативное изменение форм при сохранении содержания правовых гарантий. Необходимость оперативного принятия решений в чрезвычайной обстановке требует признания за следователем разумной процессуальной дискретности, что возможно только при чётком нормативном контуре. Отсутствие специального процессуального порядка затрудняет сбор доказательств и формирует практику внесудебной легитимации.

Несмотря на растущий консенсус среди практиков и части научного сообщества относительно необходимости нормативной адаптации УПК РФ, существуют и противоположные позиции.⁷³ Некоторые специалисты выражают сомнение в целесообразности введения дискретных полномочий и упрощённых процедур в особых условиях. Можно услышать, что любое расширение полномочий следователя вне строгих процессуальных границ, даже в особых условиях, чревато подменой закона целесообразностью и ослаблением гарантий прав личности или введение в процесс дискретных норм, плохо контролируемых судом, создаёт риск формирования правоприменительной практики, при которой чрезвычайность становится нормой, а не исключением.

Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Симферополь-Алушта, 23–24 апреля 2020 года / Отв. редакторы М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко. Симферополь-Алушта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. С. 20–22; Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика): дисс. докт. юрид. наук. М.: Академия МВД Российской Федерации, 1993. 565 с.; Григорьев В.Н., Рогов Ю.Д. Феномены перестройки: Чрезвычайное положение: монография. М.: Вердикт, 1994. 224 с.; Бирюков В.В., Бирюкова Т.П. Осмотр места происшествия: организационно-тактические основы оптимизации его производства и фиксации результатов // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5 (101). С. 33-40; Енгибарян В.Г. Расследование массовых беспорядков теоретические, организационные и методико-криминалистические основы (по материалам Республики Армения): специальность 12.00.12. – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность: автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2015. 22 с.; Сергеев А.Б. Процессуальные проблемы досудебного производства по уголовным делам в чрезвычайных ситуациях: специальность 12.00.09. – Уголовный процесс: автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2003. 54 с.; Сергеев А.Б. Совершенствование досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, совершённых в чрезвычайных ситуациях. Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2002. 257 с.

⁷³ Ветрова Г.Н. «Опередивший время» – Михаил Соломонович Строгович // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 118–137; Маликов С.В. Военно-полевая криминалистика. М.: За права военнослужащих, 2008. 511 с.; Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 46–47.

Эти позиции подчёркивают, что дискуссия о нормативной модернизации УПК РФ в указанной сфере является не только актуальной, но и подкреплённой серьёзной доктринальной базой.

Таким образом, необходимо учитывать и осторожность части научного сообщества, подчёркивающей важность соблюдения традиционных принципов состязательности, процессуальной определённости и судебного контроля. Это указывает на необходимость детальной проработки всех возможных последствий внедрения предлагаемых новаций.

Эти аспекты могут быть использованы при разработке поправок к российскому законодательству с целью расширения функциональности органов, осуществляющих ОРД, без нарушения принципов правового государства. В частности, представляется целесообразным включить в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации специальную главу, регулирующую порядок расследования преступлений в особых условиях. Такая норма обеспечила бы баланс между необходимостью гибкого реагирования и гарантией соблюдения правовых стандартов, выступая в качестве профилактики правового произвола.

Подводя итоги, следует признать, что дискуссия о модернизации уголовно-процессуального законодательства в контексте особых условий выходит за рамки сугубо технической. Речь идёт о балансе между эффективностью и правовыми гарантиями, между скоростью реагирования и соблюдением процессуальной формы. Предлагаемые новеллы, такие как закрепление дискретных полномочий, экстренная фиксация доказательств, перераспределение юрисдикции и цифровизация взаимодействия, во многом соответствуют как потребностям практики, так и международным тенденциям. Однако не менее весомыми являются и опасения правоведов, предостерегающих от эрозии процессуальных гарантий и подмены правовой нормы режимом целесообразности.

В этой связи основным направлением должно стать не только нормативное закрепление новых процедур, но и установление чётких пределов их применения, механизмов контроля, ответственности и последующей ревизии действий, совершённых в особом порядке. Только в этом случае модернизация УПК РФ будет отвечать требованиям времени, не выходя за пределы правового государства.

Современные вызовы, будь то эпидемии, техногенные аварии или кризисы иного рода, требуют от уголовно-процессуального законодательства не абстрактной универсальности, а прагматичной гибкости. Разработка специальной процедуры расследования преступлений в особых условиях — это не временная мера, а долгосрочная гарантия устойчивости системы правосудия. Именно системное, научно обоснованное и реалистичное обновление процессуального законодательства способно повысить как правозащитную функцию государства, так и его институциональную эффективность.

Литература

1. Озеров И.Н. Организация раскрытия и расследования преступлений в особых условиях. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. 142 с.
2. Озеров И.Н. Осуществление оперативно-разыскной деятельности в особых условиях // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. №2 (32). С. 109–112.
3. Озеров И.Н. О сущности и классификации особых условий при организации раскрытия и расследования преступлений // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 3(41). С. 98–107.
4. Тарасов М.Ю. Международный розыск террористов и его альтернативные средства в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации // Проблемы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 3. С. 118–123.

Н.В. Османова
Московская академия
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Уголовно-правовая политика формирования института уголовного преследования

Аннотация. Представленная работа предлагает авторский подход к определению основ формирования уголовно-правовой политики осуществления уголовного преследования в контексте продолжающейся судебной реформы. В основе исследования лежит анализ положений уголовно-процессуального права и взглядов ученых-процессуалистов. Рассматриваются возможные пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства в целях более четкого определения границ и содержания уголовного преследования.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, судебная реформа, уголовное преследование, начало уголовного преследования, изобличение, подозрение, обвинение, частные и публичные интересы, обеспечение права на защиту.

В целях обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, реализации назначения уголовного судопроизводства, обеспечения соответствия уголовного и уголовно-процессуального законов и ввиду других объективных причин в УПК РФ внесены изменения более чем 300 федеральными законами⁷⁴. Действующая редакция УПК РФ значительно отличается от первоначальной версии, принятой в 2001 году, в аспектах, касающихся участников уголовного

⁷⁴ Последние изменения внесены Федеральным законом от 27.10.2025 № 392-ФЗ «О внесении изменений в статьи 458 и 459 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 28.10.2025).

процесса, их компетенций, порядка проведения процессуальных действий, оснований для принятия решений, а также баланса между частными и публичными интересами при уголовном преследовании, реализации отдельных процессуальных институтов и других основополагающих аспектов судопроизводства.

Ни в одном научном исследовании ученые не берутся точно подсчитать количество введенных и измененных (в том числе отмененных) норм уголовно-процессуального права. Но, несмотря на значительный объем изменений, внесенных в УПК РФ, уголовно-процессуальное законодательство по-прежнему нуждается в оптимизации и рационализации.

Внесение изменений в закон направлено на совершенствование отдельных норм и институтов, однако сегодня все чаще можно услышать критические замечания в адрес правотворческой деятельности, направленной на формирование не норм права, а правил уголовно-процессуального делопроизводства, инструкций для правоприменителей⁷⁵. Наблюдается тенденция к излишней формализации уголовно-процессуального права. Одновременно следует отметить негативные стороны столь стремительной модернизации уголовно-процессуального закона – затрудняется формирование правильного понимания закона у правоприменителей. Следует признать, что даже ученые-процессуалисты не всегда успевают за всеми изменениями, происходящими в уголовно-процессуальной сфере.

Законотворческая работа определяется судебной реформой, которая началась в России более трех десятилетий назад. В разработанной тогда Концепции подчеркивалось: «... судебная реформа должна осуществляться комплексно, без хаотической поспешности в законотворчестве, подстегиваемой заинтересованными ведомствами. Ей должна сопутствовать последовательная политическая воля ... Главное при этом – тщательное обдумывание, теоретическое обоснование каждого шага, последовательность принимаемых решений»⁷⁶.

Первоначально в рамках уголовно-процессуального кодекса была законодательно закреплена лишь небольшая доля идей, заложенных в Концепции. Как отмечают разработчики современного уголовно-процессуального закона: формирование положений и дальнейшее принятие УПК РФ проходили в условиях острой конфронтации и на момент принятия

⁷⁵ Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма & правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2023. Том 18. № 1. С. 121; Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42.

⁷⁶ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. Электронный ресурс ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС» <http://www.garant.ru/> режим доступа: <https://base.garant.ru/6318369/>. Дата обращения 28.10.2025.

процессуального закона стали единственным компромиссным решением урегулирования имеющихся споров между правоохранительным сообществом, представителями науки и законодателем⁷⁷.

Зачастую бессистемное реформирование уголовного-процессуального законодательства свидетельствует о необходимости пересмотра проводимой уголовной политики и поиска новых подходов ее дальнейшего развития.

Изучение различных научных теорий, посвященных исследованию сущности уголовного преследования, демонстрирует разногласия в понимании его основ, что, в свою очередь, создает определенные сложности в процессе законодательного регулирования и практического применения. Основываясь на положениях ч. 1 ст. 21 УПК РФ, указывающих на возможность осуществления уголовного преследования по уголовным делам, а также по общему правилу, сформировавшемуся среди практических работников и ученых, началом уголовного преследования принято считать возбуждение уголовного дела либо процессуальное оформление статуса подозреваемого или обвиняемого. Как правило, стадия проверки сообщения о преступлении и действия, осуществляемые на этапе предварительного расследования, не рассматриваются как начало уголовного преследования, если лицо не обладает официально оформленным статусом подозреваемого или обвиняемого.

Установив отправную точку для восстановления нарушенных прав с момента применения мер процессуального принуждения или действий, влияющих на права и свободы лица, в отношении которого ведется доследственная проверка по сообщению о преступлении, законодатель фактически признает наличие уголовного преследования на этапе возбуждения уголовного дела. При этом он не устанавливает обязательное наличие определенного статуса у лица и не конкретизирует, какие именно действия следует считать затрагивающими права и свободы. Из этого следует закономерный вывод о том, что уголовное преследование охватывает все этапы досудебного производства.

Связывая начало уголовного преследования с наличием лица независимо от присвоения ему статуса подозреваемого или обвиняемого (в том числе на этапе проверки сообщения о преступлении), К.С. Агабеков отмечает, что содержание процессуальной деятельности стороны обвинения должно давать «лицу основание полагать, что в отношении него осуществляется проверка на его причастность к совершению преступления»⁷⁸.

Расширяя пределы уголовного преследования и определяя его начало, следует отталкиваться не от наличия в предусмотренном п. 55 ст. 5 УПК РФ определении категорий «уголовное дело», «подозреваемый», «обвиняемый», а от деятельности по изобличению лица, того, что под ней понимается. Важно

⁷⁷ Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021 № 6. С. 9.

⁷⁸ Агабеков К.С. Уголовное преследование органами дознания: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 10.

понимать, что именно подразумевается под этой деятельностью и к какой функции она относится, если не к уголовному преследованию, когда обвинительная сторона реализует свои полномочия на этапе проверки сообщения о преступлении, например, при изъятии документов или осмотре места происшествия. Сам факт принятия и регистрации сообщения о преступлении уже служит индикатором признания факта совершения преступления органом предварительного расследования.

Изобличение, по нашему мнению, охватывает всю деятельность следователя, дознавателя по установлению лица, совершившего преступление, с момента получения сообщения о преступлении, которое позволяет начать сбор доказательств, и до момента придания лицу статуса подозреваемого, обвиняемого, включая все процессуальные действия до принятия следователем, дознавателем итогового решения по делу. При этом в момент вынесения субъектом органа предварительного расследования постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, либо принятия решения, предусмотренного п. 2-4 ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 47 УПК РФ, делается лишь предварительный вывод о причастности лица к совершению преступления – различается лишь степень уверенности следователя в принимаемом решении.

Указание в п. 55 ст. 5 УПК РФ деятельности, осуществляющей в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, не противоречит представленной нами позиции, так как уголовное преследование – это непрерывный процесс, который не ограничивается только принятием процессуального решения, а носит длящийся характер, направленный на доказывание вины лица в совершении преступления. С момента получения сообщения начинается выполнение задачи по установлению события преступления, совершение которого впоследствии судом вменяется в вину обвиняемому, а значит нацелено на изобличение лица.

Ученые отмечают дублирование субъектами уголовного преследования отдельных процессуальных действий, осуществляемых первоначально в ходе доследственной проверки, а затем – предварительного расследования, что влечет за собой увеличение времени реагирования на факты совершения преступления⁷⁹.

Тот факт, что деятельность следователя, дознавателя, органа дознания на этапе возбуждения уголовного дела относится к изобличению лица в совершении противоправного действия стало еще более очевидным после принятия Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ ввиду расширения перечня средств установления данных, указывающих на признаки преступления, что в очередной

⁷⁹ Малышева О.А. Совершенствование начального этапа досудебного производства в условиях цифровой трансформации // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сб. научн. ст. по материалам межд. науч.-практ. конф. «62-е криминалистические чтения» / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. М., 2021. С. 392-400.

раз позволяет усомниться в целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела. С одной стороны, у органа предварительного расследования на более раннем этапе расследования появился дополнительный инструментарий, используемый в установлении обстоятельств произошедшего, с другой, в практике сложилась тенденция обязательного использования всех доступных средств, таких как назначение и проведение экспертиз, еще до возбуждения уголовного дела, что неизбежно сказывается на сроках принятия решения.

Непризнание проверки сообщения о преступлении уголовным преследованием создает условия для серьезных нарушений прав граждан в самом начале процесса, увеличивает сроки производства, приводит к использованию методов доказывания, не предусмотренных законом, нарушает баланс интересов сторон и ограничивает доступ к правосудию. На эти проблемы неоднократно обращали внимание ученые-процессуалисты⁸⁰. Рационализации первоначального этапа уголовного судопроизводства уделено значительное внимание профессора Б.Я. Гаврилова. В своих исследованиях он доказал, что освобождение от прокурорского надзора посредством исключения необходимости в виде утверждения решения о возбуждении уголовного дела способствовало укреплению законности, в том числе на последующих стадиях уголовного судопроизводства.

Несмотря на распространенное мнение о важности сохранения стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России (как утверждают А.Г. Волеводз, В.С. Шадрин и др.) в научной среде все большее внимание занимает позиция ученых-процессуалистов (Б.Я. Гаврилов, С.И. Гирько, И.С. Дикарев и др.) о целесообразности рассмотрения вопроса об исключении из российской системы уголовно-процессуального законодательства норм о возбуждении уголовного дела. Идея об отмене доследственной проверки и признании сообщения о преступлении непосредственным основанием для начала уголовного дела была представлена еще в Концепции судебной реформы 1991 года.

В контексте декларируемой демократизации уголовной политики характерная для российской правовой системы дифференциация порядка начала уголовного преследования (ввиду обозначенных проблем) входит в противоречие с формируемой концепцией уголовного преследования.

⁸⁰ Крымов В.А. Начало производства по уголовному делу: от практики к теории // Российский следователь. 2017. № 22. С. 17-21; Кожокарь В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 20–22; Османова Н.В. Начало уголовного преследования и его соответствие потребностям правоприменительной практики // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сб. науч. ст. по материалам межд. науч.-практ. конф. «62-е криминалистические чтения» / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. М., 2021. С. 411–418.

Порядок начала уголовного преследования по делам о преступлениях, относящихся к частному обвинению, широко распространенная в мире, отличается активной ролью потерпевшего и не требует принятия отдельного процессуального решения. Частный порядок уголовного преследования является одной из форм реализации свободы личности и выступает средством обеспечения и защиты ее прав и интересов⁸¹, что вполне коррелирует с активной позицией потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

В 2021 году предложение Пленума Верховного Суда РФ о трансформации порядка уголовного преследования по преступлениям, квалифицируемым по ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, представляется несколько поспешным⁸² (проект Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации отклонен). Пересмотр процедур уголовного судопроизводства потенциально приведет к тому, что уполномоченные органы будут более тщательно изучать детали преступлений в рамках предварительного расследования. Это создаст дополнительные гарантии соблюдения прав участников уголовного процесса, направленные на защиту как частных, так и общественных интересов.

Вместе с тем введение обязательного предварительного расследования по делам частного обвинения существенно повысит нагрузку на органы дознания – доказывание по уголовным делам полностью будет относиться к компетенции органов предварительного расследования. На данный момент ни один орган предварительного расследования не располагает ресурсами для такого увеличения объема работы.

Предложенные поправки в законодательство приведут к трансформации системы уголовного судопроизводства, упразднению частного обвинения, преобладанию интересов публичных над частными, а также значительно изменят вектор уголовной политики, что логично повлияет и на правовое сознание правоприменителя. В основе демократического государства стоит

⁸¹ Османова Н.В. Публичные и частные начала общих условий предварительного расследования // Российский следователь. 2020. № 4. С. 39–40.

⁸² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2021. № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)». Официальный сайт Верховного Суда. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/29852/> (дата обращения: 20.10.2025). Идея отказа от производства мировыми судьями по уголовным делам частного обвинения без осуществления предварительного расследования была озвучена повторно на X Всероссийском съезде судей. Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405810965/#review> (дата обращения: 20.10.2025).

превалирование интереса частного над публичным, поэтому следует крайне осторожно подходить к столь значительным законодательным нововведениям.

При формировании уголовной политики и уголовного преследования необходимо учитывать следующее. Трансформация начала уголовного преследования является основой оптимизации уголовного судопроизводства в целом, призвана способствовать ускорению процесса привлечения виновных к ответственности. Упрощение процедуры возбуждения уголовных дел по преступлениям публичного и частно-публичного обвинения – ключевой элемент повышения эффективности уголовного преследования, которое должно сопровождаться усилением контроля за соблюдением законности правоохранительными органами с одновременным представлением гарантий потерпевшим на участие в уголовном процессе и возможность эффективно защищать свои права.

Пристального внимания также требует упрощение процедуры уголовного преследования. Необходимо пересмотреть существующие процессуальные нормы с целью выявления избыточных или устаревших требований, которые замедляют предварительное расследование и рассмотрение дел в суде. В частности, следует рассмотреть возможность расширения применения упрощенных форм судопроизводства, таких как сокращенное дознание или особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

Таким образом, законодательная инициатива требует комплексного подхода, должна быть основана на сформированной в государстве уголовной политике и направлена на создание сбалансированной системы уголовного правосудия, способной оперативно и эффективно реагировать на преступления, защищать права потерпевших и привлекать виновных к ответственности.

Литература

1. Агабеков К.С. Уголовное преследование органами дознания: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 226 с.
2. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным взглядам и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.
3. Крымов В.А. Начало производства по уголовному делу: от практики к теории // Российский следователь. 2017. № 22. С. 17–21.
4. Малышева О.А. Совершенствование начального этапа досудебного производства в условиях цифровой трансформации // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сб. научн. ст. по материалам межд. науч.-практ. конф. «62-е криминалистические чтения» / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 392–400.

5. Османова Н.В. Публичные и частные начала общих условий предварительного расследования // Российский следователь. 2020. № 4. С. 39–40.

6. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма & правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2023. Том 18. № 1. С. 116–135.

7. Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–46.

А.Ю. Пензеник¹, А.Б. Калинкина²

^{1,2} Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета

Проблемы определения момента окончания совершения налоговых преступлений

Аннотация. В данной работе автор анализирует изменения в законодательстве, направленные на снижение давления на бизнес, а также сложности правоприменительной практики, связанные с определением момента окончания налоговых преступлений. Особое внимание уделяется разграничению дляящихся и продолжаемых составов, а также противоречиям в квалификации случаев подачи уточненных деклараций после истечения срока уплаты налогов.

Ключевые слова: налоговые преступления, момент окончания преступления, дляющееся преступление, налоговая декларация, уточненная налоговая декларация.

«Ежегодно бюджет России теряет более 58 млрд рублей из-за налоговых преступлений» - еще в 2020 году заявила Заместитель Председателя Следственного комитета Е.Е. Леоненко⁸³. Вместе с тем, уже в 2023 году в результате совершения преступлений экономической направленности федеральному бюджету причинен ущерб на сумму свыше 214 млрд рублей, из которых налоговыми преступлениями причинен ущерб на сумму свыше 98 млрд рублей⁸⁴.

В то же время, настоящая политика государства направлена на снижение «давления» на субъекты предпринимательской деятельности, о чем свидетельствует, в том числе, индексация сумм ущерба, признаваемых крупным и особо крупным размером, в экономических преступлениях. Согласно

⁸³ В СК назвали ущерб от налоговых преступлений для бюджета: сайт «РБК». URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 30.03.2024).

⁸⁴ Материалы к заседанию коллегии Следственного комитета РФ «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2023 год и задачах на 2024 год».

примечанию 1 к ст. 199 УК РФ особо крупный размер за три финансовых года подряд увеличился с 40 до 56,25 млн рублей.

В 2024 году в ходе предварительного следствия по уголовным делам об экономических преступлениях, направленным с обвинительным заключением в суд, а также по прекращенным уголовным делам по нереабилитирующему основаниям, по материалам с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям установлен ущерб в размере более 199 млрд рублей; по налоговым преступлениям – более 142 млрд рублей (возмещено только около 93 млрд рублей)⁸⁵.

Постоянство причиняемого ущерба бюджетной системе России продолжает требовать совершенствования совокупности методов и средств совместной правоприменительной деятельности налоговых органов и органов предварительного следствия, что необходимо для гармоничного и продуктивного соизмерения как восстановления социальной справедливости, так и исключения необоснованных излишних мер, препятствующих нормальному ведению финансово-хозяйственной деятельности в условиях нестабильной экономической обстановки.

Несмотря на то, что Верховным Судом России даны исчерпывающие разъяснения в части характеристики составов налоговых преступлений, в том числе предусмотренных ст.ст. 198, 199 УК РФ, о котором далее пойдет речь⁸⁶, в настоящее время предметом научного интереса и внимания правоприменителей остается вопрос определения момента окончания совершения преступления – уклонения от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, как физическим лицом.

Согласно ст. 29 УК РФ преступление считается оконченным, если в совершенном деянии имеются все признаки состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ. Неоднозначным остается вопрос определения фактического и юридического момента окончания сложных единичных преступлений – длящихся и продолжаемых. Так, между юридическим и фактическим окончанием длящегося преступления должен пройти определенный период времени: непосредственное негативное воздействие на объекты уголовно-правовой охраны будет прекращено либо по воле лица, либо вследствие пресечения противоправной деятельности сотрудниками правоохранительных органов, иных объективных обстоятельств. Продолжаемое же преступное посягательство де-факто будет окончено с момента совершения последнего из тождественных действий, составляющих

⁸⁵ Материалы к заседанию коллегии СК РФ «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2024 год и задачах на 2025 год». С. 68.

⁸⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 №48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»// Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

объективную сторону преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ.

Как было сказано ранее, длящееся преступление считается фактически оконченным после прекращения лицом своей противоправной деятельности или ее пресечения извне. Рассмотрим данное положение на примере диспозиции ст. 198 УК РФ. По смыслу закона объективная сторона данного состава преступления предполагает возможность совершения деяния следующими способами: а) непредставление предусмотренных законодательством документов, содержащих основания для исчисления налогов и сборов; б) включение в такие документы ложных сведений. Срок представления установленной законом документации и сроки уплаты налога могут не совпадать, вследствие чего моментом окончания преступления юридически считается фактическая неуплата налогов в срок, установленный законом, а именно в течение трех финансовых лет в размере не менее 2 700 000 рублей. Особенность длящегося преступления сформулирована и П.С. Яни: длящееся преступное деяние не окончено пока не прервано, но будучи прервано в любой момент после начала выполнения состава, расценивается как оконченное, а не как покушение⁸⁷.

Р.В. Бобринев полагает, что «классические» налоговые преступления в зависимости от конкретных признаков объективной стороны преступления можно определить как длящиеся, так и продолжаемые преступления: необходимым условием будет являться совершение не беспрерывно нескольких тождественных действий (что исключает возможность совершения преступления путем бездействия), охватываемых единым умыслом и составляющих единый комплексный поведенческий акт, направленный на уклонение от уплаты налогов, как правило, путем внесения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений. Так, например, И., действуя от имени и в интересах ООО «К.», желая снизить налоговую нагрузку и извлечь больший доход из своей деятельности, внес заведомо ложные сведения о размере налога на добавленную стоимость, подлежащего вычету, в налоговую декларацию по НДС за 2 квартал 2020 года, далее на протяжении года Общество деятельность не вело, однако в 3-4 кварталах 2021 года И. продолжил реализацию своего преступного умысла аналогичным способом. Таким образом, действия по внесению заведомо ложных сведений в налоговые декларации по отдельности не составляют самостоятельные оконченные составы преступлений, однако охватываются единым умыслом, совершены в разные временные промежутки, в связи с чем по мнению ученых-правоведов данное преступление является продолжаемым.

Вместе с тем, до публикации официальной позиции высшей судебной инстанции, был не определен вопрос момента окончания длящегося налогового преступления. П.С. Яни полагает, что, если в установленный срок обязанность

⁸⁷ Яни П.С. Длящиеся преступления с материальным составом // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 40–42.

по уплате налога не была исполнена, она сама по себе не исчезает, следовательно преступление все еще продолжает совершаться⁸⁸.

Как заявил заместитель Министра юстиции РФ В.В. Федоров, момент окончания налоговых преступлений являлся основным дискуссионным вопросом в разработке позиции Пленума Верховного Суда РФ. В первоначальном проекте постановления презюмировалось, что налоговые преступления следует считать оконченным с момента неуплаты налогов, сборов и страховых взносов в нарушение установленного законом срока, однако исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности следует вести со дня фактического окончания преступления – а именно добровольного погашения или взыскания налоговой недоимки. Судья Верховного Суда РФ В.М. Кулябин пояснил данный тезис по аналогии с незаконным хранением оружия – фактический момент окончания преступления наступает при сдаче оружия или его изъятии⁸⁹.

По итогам обсуждения п. 4 Постановления был сформулирован путем наибольшего компромисса между хозяйствующими субъектами и буквой закона. Вместе с тем, заместитель Председателя Верховного Суда РФ В.А. Давыдов заявил: «В конструкции самих статей 198 и 199 УК (уклонение физического лица от уплаты налогов, уклонение от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией) есть какая-то неопределенность, противоречивость, которую могли бы устранить законодательным путем»⁹⁰.

Также, дискуссионным остается вопрос определения момента окончания преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, объективная сторона которого выполнена в частности путем внесения заведомо ложных сведений в уточненную налоговую декларацию, поданную налогоплательщиком по истечении срока уплаты налога, установленного НК РФ, однако до начала производства налоговым органом выездной налоговой проверки и привлечении Общества к ответственности за совершение налогового правонарушения.

В производстве Главного следственного управления Следственного комитета по городу Санкт-Петербургу находилось уголовное дело, возбужденное по обвинению В. в уклонении от уплаты налогов (НДС за 2016-2018 гг.) от имени ООО «К» в особо крупном размере. Исходя из толкования Верховного Суда РФ, в совокупности с положениями НК РФ, следует, что моментом окончания преступления будет являться 25 марта 2019 года – как срок уплаты НДС за 4 квартал 2018 года. Вместе с тем, 14 июня 2019 года (то есть по истечении срока уплаты налога, установленного НК РФ) Обществом подана уточненная налоговая декларация по НДС за 4 квартал 2018 года, содержащая заведомо

⁸⁸ Яни П.С. Указ. соч. С. 41.

⁸⁹ Пленум ВС растянул срок давности по налоговым преступлениям. URL: <https://pravo.ru/story/212138/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁹⁰ Верховный суд разъяснил, как считать сроки давности по налоговым преступлениям. URL: www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/26/817160-kak-schitat-sroki?ysclid=mhnlw9cvg6372205105 (дата обращения: 10.05.2025).

ложные сведения о якобы имевшихся финансово-хозяйственных взаимоотношениях ООО «К» с фирмами-«однодневками»⁹¹. Также данная декларация оценена и налоговым органом, и судебным экспертом при расчете суммы налоговой недоимки и ущерба, причиненного бюджету России. В данном случае наблюдается явное противоречие положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ: преступление фактически окончено раньше, чем завершилось выполнение объективной стороны виновным лицом.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, следует, что налоговые преступления все еще наносят огромный ущерб бюджету России, а их квалификация остается сложной из-за неоднозначности момента окончания совершения преступлений. Несмотря на имеющиеся разъяснения Верховного Суда РФ остается неразрешенным вопрос оценки совершения преступления при подаче уточненных налоговых деклараций, в связи с чем требуется более четкое регулирование и согласованность правоприменения, чтобы эффективно бороться с уклонением от налогов, не создавая излишних рисков для бизнеса.

Литература

Яни П.С. Дляющиеся преступления с материальным составом // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 40–42.

Э.Т. Раинова¹, В.В. Толкачева²

^{1,2} Государственный университет
морского и речного флота
имени адмирала С.О. Макарова

Проблемы правового регулирования принудительных работ как вида уголовного наказания

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам правового регулирования принудительных работ как вида наказания. Авторами рассматриваются научные подходы и практические проблемы исполнения наказаний в виде принудительных работ. Результаты исследования представлены выводами, а также авторскими практическими предложениями, заключающимися в следующем: принудительные работы сделать полностью самостоятельным наказанием, которое будет выноситься судом как альтернатива лишению свободы; либо заменить его на условное осуждение с обязательным привлечением к труду; либо исключить данный вид наказания.

Ключевые слова: принудительные работы, наказание, суд, осужденный, лишение свободы, уголовный закон, срок.

⁹¹ Из практики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу.

Уголовно-исполнительная политика Российской Федерации постоянно совершенствуется и дорабатывается. В данный момент наше государство старается снизить количество наказаний, которые связаны с лишением свободы, аргументируя это тем, что людям, попавшим под данное наказание, тяжело справляться с психологическим и социальным давлением после отбывания срока. Другой причиной является пополнение государственного бюджета посредством выполнения осужденным определенных трудовых работ. Власти стараются смягчить или предложить альтернативу наказанию в виде лишения свободы.

Данный вопрос сейчас решается и находится в стадии активной разработки. Авторский коллектив НИИ ФСИН России во главе с директором ФСИН России А.А. Рудом разработал проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года⁹². Стоит подчеркнуть, что речь идет о развитии системы исправительных центров, так как привлечение к принудительным работам является спорным и до конца не решенным, ученые спорят по этому поводу. Данное понятие закреплено в ч. 1 ст. 53¹ УК РФ: принудительные работы. Необходимо учитывать, что, в первую очередь, суд выносит решение о лишении свободы, и только после данного решения, могут быть назначены принудительные работы осужденному⁹³. Официальная формулировка данного наказания противоречит части 1 статьи 60 УК РФ.

Таким образом, главная проблема принудительных работ – они являются второстепенными и не имеют сильной и четкой характеристики. Данное мнение выразил Н.Т. Идрисов, позицию которого мы поддерживаем. Он считает, если лишение свободы не указано в санкции соответствующей статьи, то это наказание все равно может назначаться. Подобной точки зрения придерживается и Н.И. Крылов. Он считает, что замена строгого вида наказания более мягким в судебном заседании необоснованно и противоречит в целом наличию данного вида наказания в УК РФ в качестве основного вида наказания⁹⁴.

Принудительные работы назначаются на срок от двух месяцев до пяти лет в предусмотренных местах. Где и каким образом будет производиться отбывание наказания решают определенные учреждения и органы уголовно-исполнительной системы. Отличительной чертой принудительных работ

⁹² Усеев Р.З. Проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года: вопросы формы, содержания и сравнение с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы 2020 года // Вестник Самарского юридического института. 2020. №2 (38). С. 77–86.

⁹³ Малышев В.О. Принудительные работы: проблемы назначения и исполнения // Молодой ученый. 2020. № 47 (337). С. 333–334.

⁹⁴ Ксьонжик А.В. Проблемные вопросы назначения наказания в виде принудительных работ // Молодой ученый. 2022. № 47 (442). С. 235–238.

является то, что впоследствии исполнения труда осужденному выплачивается заработка плата, определенный процент которой удерживается государством⁹⁵.

Стоит отметить, что по ряду оконченных следователями Следственного комитета РФ уголовных дел судами выносятся приговоры с назначением наказания в виде принудительных работ. Например, Ю. был осужден к пяти годам принудительных работ с удержанием 10 % зарплаты по делу о фейках после опроса «Радио Свобода» в июле 2022 года. Он обвинялся по пункту «д» части 2 ст. 207³ УК РФ. Данная статья предусматривает ответственность за распространение ложной информации о действиях российской армии по мотивам политической, расовой и иной ненависти. Гражданин Ю. распространял ложную информацию о российской армии, конкретно в городе Бучи под Киевом, публикуя тела погибших мирных жителей.

Если в субъекте Российской Федерации назначается наказание осужденному в виде принудительных работ, но в нем отсутствует место прохождения этого наказания, то лицо отбывает его в ближайшем регионе, где предусмотрены такие центры.

Если осужденный нарушает порядок, принудительные работы заменяются лишением свободы. Между тем, в Уголовном кодексе эта замена не предусматривается и не применяется, но в уголовно-исполнительном законодательстве это является обычным правилом. Из вышеизложенного стоит сделать вывод, что в уголовно-исполнительном и уголовном законе присутствуют значительные пробелы, которые необходимо устранить для четкого исполнения наказания⁹⁶.

Следующей проблемой является несоответствие Основному закону России. В соответствии со статьей 37 Конституции РФ, труд – это свободная деятельность, которая имеет право на выбор рода деятельности и профессии. То есть принудительный труд не допускается. Возникает диссонанс – принудительные работы введены как самостоятельное наказание и это противоречит нормам Конституции РФ.

Таким образом, можем сделать вывод, что применение принудительных работ в виде уголовного наказания имеет ряд недостатков. На сегодняшний день, по нашему мнению, можно предложить следующее: принудительные работы сделать полностью самостоятельным наказанием, которое будет выноситься судом как альтернатива лишению свободы; либо заменить его на условное осуждение с обязательным привлечением к труду; либо исключить данный вид наказания.

⁹⁵ Касаткина А.А. Проблемные вопросы назначения наказания в виде принудительных работ // Молодой ученый. 2023. № 51 (498). С. 282–283.

⁹⁶ Митрюшина Я.Н. Некоторые вопросы осуществления прокурорского надзора за законностью исполнения наказания в виде принудительных работ // Молодой ученый. 2022. № 2 (397). С. 314-316.

Литература

1. Касаткина А.А. Проблемные вопросы назначения наказания в виде принудительных работ // Молодой ученый. 2023. № 51 (498). С. 282–283.
2. Ксьонжик А.В. Проблемные вопросы назначения наказания в виде принудительных работ // Молодой ученый. 2022. № 47 (442). С. 235–238.
3. Малышев В.О. Принудительные работы: проблемы назначения и исполнения // Молодой ученый. 2020. № 47 (337). С. 333–334.
4. Усеев Р.З. Проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года: вопросы формы, содержания и сравнение с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы 2020 года // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 2 (38). С. 77–86.

И.В. Розумань¹, О.В. Шмыгина²

¹Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ

²Сибирский университет потребительской кооперации

Взяточничество как форма коррупционного проведения: криминологическая характеристика и меры противодействия

Аннотация: В статье рассматривается криминологическая характеристика взяточничества как наиболее опасной криминальной формы поведения и дается анализ ее основных показателей. Авторы опираются на статистические данные правоохранительных органов Российской Федерации. Анализ статистических сведений о состоянии коррупционной преступности за период с 2012 года по 2022 г. свидетельствует о том, что оперативная обстановка в стране остается стабильной и контролируемой. Правоохранительные структуры обеспечивают контроль над проявлением такого негативного явления в обществе как коррупционная преступность. Авторы предлагают меры по профилактике и предупреждению коррупционного поведения, которые, по их мнению, будут способствовать более эффективному проведению работы в этом направлении.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, показатели преступности, коррупционная преступности, предупреждение преступности, взяточничество

Взяточничество является одним из наиболее опасных в социальном понимании проявлений коррупционного поведения, его основной характеристикой, определяющей создание отрицательных последствий, как в индивидуальном, так и в общественном отношении является обусловленность поведения специального субъекта вознаграждением конкретного лица. В индивидуальном отношении наличие взяточничества порождает невозможность осуществления интересов личности без представления, не обусловленного конкретной ситуацией, хотя обязанность совершения действий либо иного выполнения обязанностей лежит на представителе власти как специальном

субъекте получения взятки. Поведение субъектов взяточничества в индивидуальном отношении также определяется множеством отрицательных проявлений, связанных, главным образом, с привычным характером поведения, который предполагает наличие не обусловленных службой вознаграждений. В итоге это порождает глубокую нравственную деформацию личности.

Социальный аспект взяточничества с точки зрения его общественной опасности не ограничивается только общими положениями о нарушении порядка управления, поскольку данное социальное явление оказывает влияние на конкретные общественные процессы. В результате существования взяточничества ограничивается возможность общественного развития, значительные отрицательные последствия испытывает экономика, поскольку следствием взяточничества, зачастую, выступает ограничение конкуренции, менее эффективным становится развития экономики, ограничивается возможность структурных преобразований.

Необходимость эффективного противодействия взяточничеству, как на социальном, так и на индивидуальном уровне требует изучения характеристик данного социального явления с точки зрения определяющих его факторов, а также оценки масштабов. Характеристики взяточничества, связанные с его структурой и динамикой, могут иметь практическое значение при разработке мер, направленных на противодействие данному социальному явлению.

Наиболее существенно значение при определении категории взяточничества имеет соотношение составов ст.ст. 290–291.2 УК РФ. Данная проблема восходит к советской доктрине уголовного права, в которой изначально взяточничество признавалось неразрывным актом, в котором тесно связаны передача и принятие предмета взятки⁹⁷. Именно в этот период в советской криминологии, вслед за уголовным правом зародилось понятие взяточничества как специфического по свойствам проявления индивидуального поведения, связанного с общественно опасными посягательствами на основы управления в советском государстве⁹⁸.

Последующее разделение взяточничества на отдельные составы оказало влияние на понимание этого явления в криминологическом отношении, поскольку предложение взятки и ее получение обусловлены влиянием различных факторов, получение взятки стало относиться к «служебным

⁹⁷ Ковалевская Н.Г., Сергеева А.А. Взяточничество как вид должностных преступлений: исторический экскурс // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: Сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 277.

⁹⁸ Кулачков В.В. Взяточничество как социально-правовое явление в 1920-е гг. (на материалах Брянской, Смоленской и Гомельской губерний) // Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2021. С. 49.

преступлениям», позже определенным как «коррупция»⁹⁹. Дача взятки стала рассматриваться обособленно, в том числе, в отсутствие специального субъекта¹⁰⁰. Помимо этого, чаще для получения взятки характерно специфическое поведение, в то время как значительная часть случаев дачи взятки имеет ситуативный характер¹⁰¹.

Современные исследования взяточничества в направлении «экономики коррупции» вновь стали рассматривать его как единое явление, в основе которого лежат спрос и предложение¹⁰². Согласно этой концепции, действительными причинами взяточничества выступают наличие своеобразного рынка коррупционных услуг, а также индивидуальная готовность к их использованию, что в совокупности порождает взяточничество в социальном аспекте и его проявления на индивидуальном уровне.

Состояние взяточничества в России определяется реализацией общих мер противодействия коррупции, в целом, количество преступлений, относящихся к составам взяточничества, снижается, но динамика неравномерна. Зависит она от экономических факторов, поскольку экономические кризисы являются одной из детерминант взяточничества, на состояние преступности в этой сфере влияют и другие факторы. При общей тенденции к снижению уровня взяточничества формируется различная по направленности динамика в краткосрочном периоде. Кроме того, исключительно велика региональная дифференциация показателей взяточничества, обусловленная как влиянием факторов культурного характера, так и эффективностью противодействия коррупции в регионах. Следует принимать во внимание и экономические возможности для взяточничества, в целом весьма значительную экономическую дифференциацию российских регионов.

Анализ статистических данных за 2022 год позволяет сделать следующие выводы: фиксируется несущественный прирост динамики получения взятки на +10,4% (5540) и дачи взятки +4,8% (4716) по сравнению с предыдущим годом.

⁹⁹ Паутова И.А. Калединцев В.В., Демчук Д.А. История борьбы с правонарушениями коррупционной направленности в России // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сборник научных статей по итогам работы круглого стола № 11 со всероссийским и международным участием. М.: Конверт, 2021. С. 136.

¹⁰⁰ Сальникова А.В., Казакова Е.Б. Коррупция в России: понятие, история появления и меры противодействия // Современные тенденции развития отечественного и зарубежного законодательства: Сборник статей по материалам региональной научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный университет, 2021. С. 115.

¹⁰¹ Бородовицына К.С. Коррупция в РФ: историко-правовой аспект // Цифровые трансформации в развитии экономики и общества: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. В 4-х томах. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. С. 97.

¹⁰² Османов М.М., Шогенов З.А. Влияние коррупции на государственный аппарат и гражданское общество в современной России // Образование и право. 2022. № 1. С. 25.

Предварительно расследовано - 4716 дел по получению взятки и 4599 дел по даче взятки. Направлено в суд с вынесением обвинительного приговора - 4696 и 2582 дела соответственно. Не раскрытыми остаются 92 преступления по ст. 290 УК РФ и 82 преступления по ст. 291 УК РФ¹⁰³.

Достаточно интересным представляется анализ взяточничества за прошедшие годы, связанные с различными социально-экономическими потрясениями, сопровождающими развитие общественных отношений в государстве в период с 2012 по 2021 годы. Данные о количестве зарегистрированных фактов взяточничества представлены на рис. 1.

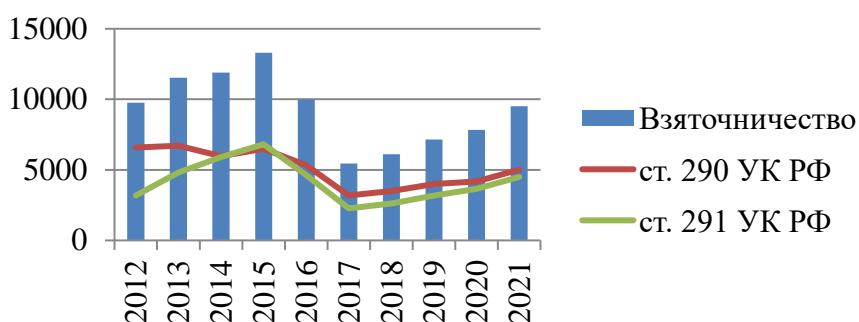

Рис. 1. Количество зарегистрированных фактов взяточничества в РФ за 2012–2021 гг., ед.

Общее число случаев взяточничества в РФ возросло с 9758 ед. в 2012 году до 13311 ед. в 2015 году, динамика была равномерной и определялась тенденцией к увеличению количества фактов взяточничества. С 2016 года начинается активное сокращение количества зарегистрированных случаев взяточничества, которое продолжается до 2017 года. В 2016 году было зарегистрировано 9984 случая взяточничества, в 2017 году оно составило только 5460 ед., но к 2021 году число случаев взяточничества увеличилось до 9519 ед.

Иными тенденциями описывается состояние отдельных видов взяточничества, поскольку число случаев получения взятки сократилось с 6576 ед. в 2012 году до 6495 ед. в 2015 году, в 2017 году оно составляло только 3188 ед., к 2021 году увеличилось до 5020 ед. Напротив, количество фактов дачи взятки увеличилось с 3182 ед. в 2012 году до 6816 ед. в 2015 году, к 2017 году сократилось до 5460 ед., в 2021 году составило 4499 ед.

За исключением 2016 года, количество фактов получения взятки превышает число случаев дачи взятки, но активность получения взятки, в целом, снижается, в то время как в отношении дачи взятки она возрастает. Учитывая динамику взяточничества по периодам, можно предположить, что влияние оказывало состояние экономики, поскольку экономический кризис повлек за собой увеличение числа фактов взяточничества, но в полной мере это показателями взяточничества не подтверждается. Тенденция к увеличению их количества

¹⁰³ Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения 25.04.2025).

существовала и ранее, в 2016 году экономический кризис продолжался, но показатели взяточничества уже снижались.

В 2012-2021 гг. число фактов взяточничества сократилось на 12,08 %, количество случаев получения взятки уменьшилось на 37,74 % при увеличении числа фактов дачи взятки на 12,33 %. Как следствие, общая динамика сокращения фактов взяточничества определяется уменьшением числа случаев получения взятки. В отдельные периоды динамика взяточничества существенно различается, поскольку за 2012–2015 гг. общее количество фактов взяточничества увеличилось на 21,54 %, в 2015–2017 гг. оно сократилось на 58,98 %, в 2017–2021 гг. возросло на 74,34 %. При общем сокращении количества фактов взяточничества, с 2018 года формируется тенденция к их увеличению.

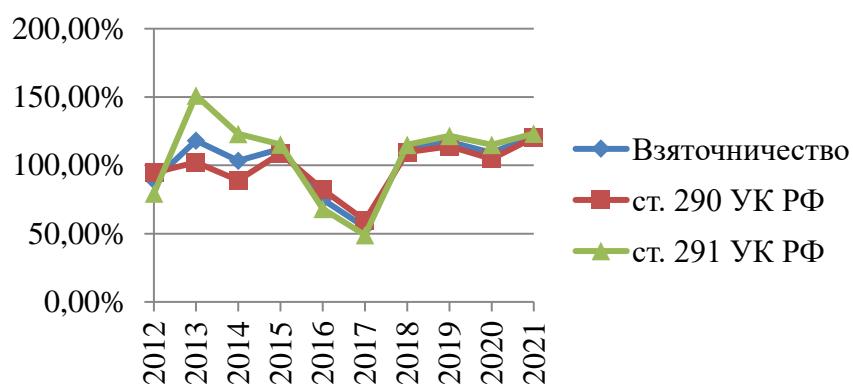

Рис. 2. Темпы роста числа зарегистрированных случаев взяточничества в РФ за 2012-2021 гг., %.

Количество случаев получения взятки в 2012–2014 гг. сократилось на 12,92%, в 2015 году возросло на 8,61%, но в 2015–2017 гг. сократилось на 50,92%, в 2017–2021 гг. увеличилось на 57,47%.

Число фактов дачи взятки в 2012-2015 гг. возросло на 70,19%, за 2015-2017 гг. оно уменьшилось на 65,67%, в 2017-2021 гг. возросло на 98,02%. При общей тенденции к увеличению количества фактов дачи взятки разброс динамики этого показателя является более существенным по сравнению с получением взятки.

Данные о количестве расследованных фактов взяточничества представлены на рис. 3. Количество расследованных фактов взяточничества возрастает с 7867 ед. в 2012 году до 11797 ед. в 2015 году, к 2017 году сокращается до 4574 ед., в 2021 году составляет 7720 ед. Количество расследованных случаев получения взятки, после увеличения с 5088 ед. в 2012 году до 6366 ед. в 2013 году, к 2016 году сокращается до 4951 ед., в 2017 году составляет только 2461 ед., но к 2021 году возрастает до 3731 ед.

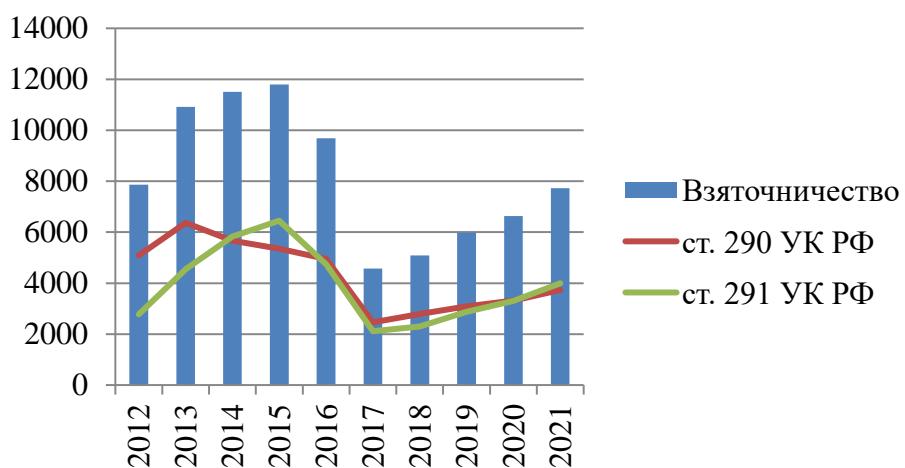

Рис. 3. Количество расследованных фактов взяточничества в РФ за 2012–2021 гг., ед.

В то же время количество расследованных случаев дачи взятки увеличивается с 2779 ед. в 2012 году до 6451 ед. в 2015 году. После сокращения до 2112 ед. в 2017 году, к 2021 году оно возрастает до 3989 ед. Несмотря на значительные различия в количестве случаев дачи и получения взятки, по количеству расследованных преступлений они являются существенно меньшими.

Динамика числа расследованных фактов взяточничества представлена на рис. 4. В 2012-2021 гг. количество расследованных фактов взяточничества сократилось на 19,68 %, число расследованных случаев получения взятки уменьшилось на 35,24 %, количество расследованных фактов дачи взятки, напротив, увеличилось на 3,61 %. Число расследованных фактов взяточничества в 2012-2015 гг. возросло на 22,75 %, в 2015–2017 гг. оно уменьшилось на 61,23 %, в 2017-2021 гг. возросло на 68,78 %. Разброс динамики количества расследованных случаев взяточничества является существенно большим по сравнению с динамикой количества зарегистрированных фактов взяточничества. Количество расследованных случаев получения взятки в 2012–2017 гг. уменьшилось на 57,28 %, в 2017-2021 гг. оно возросло на 51,61 %. Напротив, число расследованных фактов дачи взятки в 2012–2015 гг. возросло на 68,55 %, в 2015–2017 гг. сократилось на 67,25%, в 2017–2021 гг. увеличилось на 88,78 %.

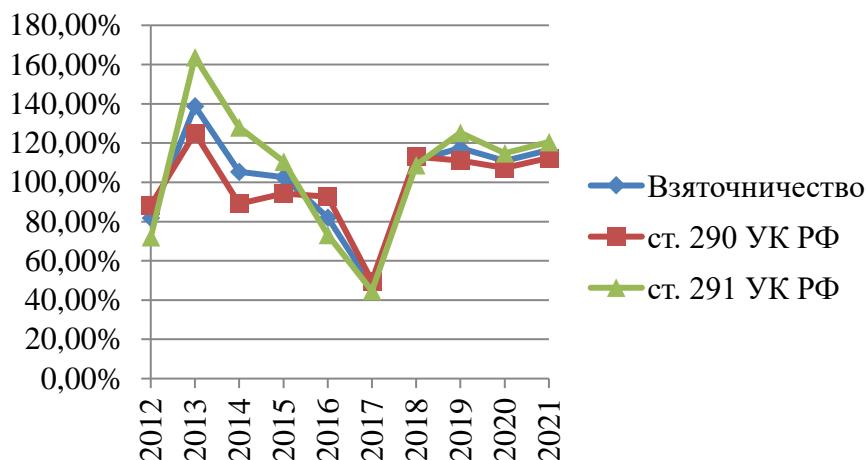

Рис. 4. Темпы роста количества расследованных фактов взяточничества в РФ за 2012-2021 гг., %

Динамика отдельных видов взяточничества имеет различную динамику, не в полной мере совпадает с динамикой количества зарегистрированных случаев взяточничества, что может определяться длительным периодом расследования, в целом, возрастает количество расследованных случаев дачи взятки при сокращении количества расследованных фактов ее получения, с 2017 года начинает возрастать общее количество расследованных случаев взяточничества.

Таким образом, динамика общего количества фактов взяточничества определялась их увеличением до 2015 года, в последующем начала сокращаться, но с 2018 года вновь начинает возрастать. Динамика отдельных форм взяточничества различается, поскольку количество случаев получения взятки сокращалось до 2017 года, в последующем происходило их увеличение, в то время как число фактов дачи взятки увеличивалось до 2015 года, в последующем сокращалось, с 2018 года вновь начало возрастать. Динамика раскрываемости взяточничества неравномерна, в 2020 году происходило значительное снижение этого показателя. Уровень взяточничества в РФ возрастал до 2015 года, в последующем сокращался, с 2018 году наблюдается его повышение. В целом, уровень дачи взяток ниже по сравнению с уровнем их получения.

За последние годы в России было создано антикоррупционное законодательство и разработан соответствующий нормативный инструментарий, позволяющий бороться с этим негативным явлением. Кроме того, в целях создания системы противодействия коррупции и устранения причин, ее порождающих, Указом Президента РФ от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» образован Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции.

Проблемы противодействия взяточничеству определяются множеством факторов, с которыми связано это явление. В криминологическом отношении можно выделить проблемы, связанные с региональной дифференциацией состояния взяточничества, а также их динамикой. Проблему составляет также снижение уровня раскрываемости взяточничества. Как проблема может

рассматриваться динамика отдельных составов взяточничества, поскольку она не совпадает.

Таким образом, выделены следующие криминологические проблемы противодействия взяточничеству в РФ:

- недостаточная изученность региональных особенностей взяточничества;
- влияние пандемии на характер взяточничества, как следствие, на эффективность противодействия этому явлению;
- снижение раскрываемости взяточничества в условиях пандемии, как следствие, необходимость оценки его региональных особенностей;
- недостаточная изученность связи между состоянием экономики и отдельными составами взяточничества.

Противодействие взяточничеству должно обеспечиваться во многих аспектах, с криминологической точки зрения необходимо более подробное изучение влияния пандемии и экономических факторов на состояние взяточничества, а также анализ его региональной специфики, поскольку могут существовать значительные различия в характере взяточничества между регионами. Их анализ дает возможность противодействия этому явлению с большей эффективностью.

Предложены следующие направления совершенствования противодействия взяточничеству в криминологическом аспекте:

- анализ региональной специфики взяточничества;
- изучение характера взяточничества в условиях пандемии;
- изучение региональных особенностей взяточничества;
- анализ взаимосвязи состояния экономики и форм взяточничества.

Представляется, что указанные меры не являются исчерпывающими, но позволяют эффективно осуществлять противодействие рассматриваемой криминальной формы поведения.

Литература

1. Бородовицьна К.С. Коррупция в РФ: историко-правовой аспект // Цифровые трансформации в развитии экономики и общества: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. В 4-х томах. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. С. 97.
2. Ковалевская Н.Г., Сергеева А.А. Взяточничество как вид должностных преступлений: исторический экскурс // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: Сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 277.
3. Кулачков В.В. Взяточничество как социально-правовое явление в 1920-е гг. (на материалах Брянской, Смоленской и Гомельской губерний) // Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2021. С. 49.

4. Паутова И.А., Калединцев В.В., Демчук Д.А. История борьбы с правонарушениями коррупционной направленности в России // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: Сборник научных статей по итогам работы круглого стола №11 со всероссийским и международным участием. М.: Конверт, 2021. С. 136.

5. Сальникова А.В., Казакова Е.Б. Коррупция в России: понятие, история появления и меры противодействия //Современные тенденции развития отечественного и зарубежного законодательства: Сборник статей по материалам региональной научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный университет, 2021. С. 115.

6. Османов М.М., Шогенов З.А. Влияние коррупции на государственный аппарат и гражданское общество в современной России // Образование и право. 2022. № 1. С. 25.

Т.Ю. Сабельфельд
Московская академия
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

О некоторых процессуальных ошибках на досудебных стадиях

Аннотация. В статье акцентируется внимание на значимость стадии предварительного следствия и на нарушения в ходе ее осуществления, поскольку они являются «болезненными» для всего уголовного процесса. Автор анализирует ряд практических примеров процессуальных нарушений, допущенных органами предварительного расследования.

Ключевые слова: уголовный процесс, стадия предварительного расследования, процессуальные нарушения, лица, обладающие особым правовым статусом, право на защиту.

Стадия предварительного расследования имеет особую значимость в современном уголовном процессе. По мнению Б.Т. Безлекина именно на этой стадии решаются задачи уголовного судопроизводства¹⁰⁴. Данный этап является ключевым звеном всей цепочки уголовного судопроизводства, поскольку именно на этой стадии принимаются важные процессуальные решения, собираются и оцениваются доказательства, определяется круг лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых. Предварительное расследование представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий от следователя не только глубоких профессиональных знаний, но и высокого уровня процессуальной культуры. Однако анализ следственной и судебной практики показывает, что даже опытные следователи допускают ошибки,

¹⁰⁴ Безлекин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. М.: Проспект, 2017. С. 51.

которые впоследствии могут привести к существенным нарушениям прав участников процесса и в конечном итоге - к судебным ошибкам.

Ошибки на досудебных стадиях, допускаемые следователями, представляют собой наиболее серьезные нарушения, поскольку они напрямую затрагивают законность всего уголовного преследования и могут повлечь признание доказательств недопустимыми или отмену судебных решений. Нарушения на данной стадии можно условно разделить на следующие: технические, процессуальные, правовые.

Нарушения при возбуждении уголовного дела часто становятся основанием для последующего прекращения производства. Так, Московский городской суд в 2016 году отменил приговор, поскольку уголовное дело было возбуждено старшим следователем без соблюдения особого порядка, предусмотренного ст. 448 УПК РФ для определенных категорий лиц¹⁰⁵. Еще одно процессуальное нарушение – несвоевременное уведомление лица о возбуждении против него уголовного дела, что лишает его возможности своевременно обжаловать это решение и нарушает право на защиту, гарантированное ст. 47 УПК РФ¹⁰⁶. На наш взгляд, когда следователи затягивают или «придерживают» момент предъявления обвинения, при явно собранных доказательствах обвинения в отношении конкретного лица, то это свидетельствует о нарушениях права на защиту, и влечет вполне обоснованные ходатайства защитников и их подзащитных о нарушении права на защиту, поскольку они были лишены права осуществлять в полной мере защиту в ходе всего следствия¹⁰⁷. Подобные действия нарушают состязательный принцип уголовного процесса, поскольку участие обвиняемого проявляется только на последнем этапе расследования уголовного дела, что продиктовано сугубо интересами следствия. Установление данного факта в суде может повлечь возвращение уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ в связи с выявленными нарушениями права на защиту.

Частой ошибкой в ходе расследования является неполное установление анкетных данных подозреваемого лица, которые могут свидетельствовать о наличии у него особого статуса. На практике встречаются случаи, когда лицо, имеющее особый статус (например, депутаты органов местного самоуправления, члены избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса) не сообщают о своем статусе, в связи с тем, что не придают этому значения или намеренно, умышленно его скрывают. Так, в 2019 году в следственный отдел по Искитимскому району следственного управления СК России по Новосибирской области из отдела полиции по подследственности

¹⁰⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 31.10.2016 по делу № 10-14558/2016// Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

¹⁰⁶ Апелляционное постановление Московского городского суда от 22.02.2017 по делу № 10-3198/2017// Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

¹⁰⁷ См. об иных нарушениях права на защиту: Жиганов С. В. Нарушение процессуальных прав защиты на досудебной стадии: типичные случаи // Уголовный процесс. 2019. № 7. С. 42–51.

поступило уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ, основанием для передачи уголовного дела был факт установления статуса обвиняемого – член избирательной комиссии избирательного участка с правом решающего голоса. В ходе предварительного следствия сотрудниками полиции в отношении лица, обладающего особым правовым статусом, была избрана мера пресечения - в виде подписке о невыезде и надлежащем поведении, а также он был допрошен в качестве подозреваемого. В связи с выявленными процессуальными нарушениями, руководителем следственного органа постановление об избрании меры пресечения отменено как незаконное и необоснованное. В дальнейшем в ходе расследования данного уголовного дела, с соблюдением требований ст. 448 УПК РФ, руководителем следственного управления СК России по Новосибирской области предъявлено обвинение. Однако при направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, показания подозреваемого (данные сотрудникам полиции) в качестве доказательств не приведены, поскольку являются недопустимыми, полученными с нарушениями норм УПК РФ.

Аналогичное нарушение, допущенное на стадии расследования, привело уже к более серьезным последствиям - к отмене обвинительного приговора. Так, апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Тыва от 10.10.2024 отменен приговор Кызылского городского суда Республики Тыва в отношении М., поскольку только на стадии апелляционного обжалования установлено, что осужденная М. на момент возбуждения уголовного дела и расследования являлась членом избирательной комиссии избирательного участка с правом решающего голоса, однако п.12. ч.1 ст. 448 УПК РФ органами расследования не соблюдался. В связи с чем приговор в отношении М. отменен, уголовное дело направлено прокурору Республики Тыва на основании п.1 ч.1 ст. 237 УПК РФ для устранения выявленных нарушений.

Таким образом, важнейшим условием повышения качества предварительного расследования является формирование новой профессиональной культуры следователей, основанной на строгом соблюдении законности, уважении прав участников уголовного процесса и осознании социальной значимости своей деятельности. Только комплексный подход органов расследования, их профессионализм, позволит существенно снизить количество ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса.

Литература

1. Безлекин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. М.: Проспект, 2017. 288 с.
2. Жиганов С.В. Нарушение процессуальных прав защиты на досудебной стадии: типичные случаи // Уголовный процесс. 2019. № 7. С. 42–51.

А.М. Сажаев

Московская академия
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

О взаимодействия следователя и психолога при организации допроса несовершеннолетнего по преступлениям против половой неприкосновенности личности

Аннотация. Допрос несовершеннолетних и малолетних имеет свои организационные и тактические особенности. К их числу относится приглашение и участие в следственном действии таких участников, как педагог, психолог, законные представители. Особое место среди них занимает психолог. От того, как следователь организует с ним взаимодействие, зависит и успех допроса, а для этого он должен четко понимать его компетенции и функции.

Ключевые слова: преступление, допрос, следователь, несовершеннолетний, психолог, взаимодействие, компетенции, экспертиза.

Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, как известно, имеет свои особенности, обусловленные самой организацией процесса расследования, уголовно-процессуальным законодательством, тактикой производства следственных действий и личностью самого несовершеннолетнего. К числу таких мы относим и преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и даже малолетних, где особую роль должны иметь такие участники процесса расследования, как законный представитель несовершеннолетнего, педагог, защитник, и конечно психолог¹⁰⁸.

Приглашая психолога к участию в следственном действии с несовершеннолетним, особенно по половым преступлениям, следователь должен четко понимать о его компетенции и функции. Так, например, в его компетенцию не должны входить ответы на следующие вопросы: а) о вменяемости несовершеннолетнего; б) о склонности к фантазированию; в) о характере полученной травмы; г) об осознании потерпевшим произошедших с ним событий и его способности к сопротивлению; д) действительно ли имело место насилие в отношении несовершеннолетнего.

¹⁰⁸Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. СПб.: Питер, 2001. С. 139.

Эти вопросы являются предметом для изучения экспертами комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Сопровождая несовершеннолетних в ходе следственных действий, психолог выполняет следующие функции: а) организует безопасное пространство; б) обеспечивает связь между участниками допроса; в) эмоционально поддерживает несовершеннолетнего, его родителей и, в случае если это необходимо, следователя в процессе допроса; г) наблюдает за психоэмоциональным состоянием несовершеннолетнего в процессе допроса; д) проводит работу в процессе следственных действий с несовершеннолетними, направленную на снижение тревожности и напряжения¹⁰⁹.

Успех расследования половых преступлений в отношении несовершеннолетнего во многом зависит от егоальной организации, и в частности, подготовки следственных действий с участием психолога. Например, при проведении допроса следует помнить, что ребенок, подвергшийся сексуальному насилию, это в первую очередь страдающий ребенок, и лишь затем участник судебного процесса. При этом совместная подготовка следователя и психолога к допросу несовершеннолетнего также важна, как и непосредственно процедура допроса.

Психологу для участия в предстоящем допросе с помощью следователя важно получить следующую информацию о ребенке: а) возраст: нужен для подготовки психолога к допросу с учетом возрастных особенностей; б) пол ребенка: потерпевшего по делам об изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера допрашивать должен следователь и психолог одного с ним пола; в) интересы, увлечения: поможет установить контакт; г) интеллектуальное и физическое развитие ребенка: при наличии инвалидности, необходим будет психолог, владеющий навыками и знаниями работы с детьми с ОВЗ; д) эмоциональное состояние ребенка; ж) обстоятельства происшедшего; з) сведения о семье: отношения родителей между собой, отношения с родственниками и детско-родительских отношений, с кем проживает; к) как ребенок относится к подозреваемому. Например, девочка подросток была категорически против того, чтобы обидчик был наказан. Не зная этого, ребенку задали вопрос: «Ты разве не хочешь, чтобы его наказали?». После этого девочка замкнулась и перестала отвечать на вопросы о событии, несмотря на то, что первичный контакт был установлен и получено согласие на беседу.

Во время следственных действий у ребенка возникает сильное эмоциональное напряжение, связанное с процедурой допроса, а также с пережитыми событиями (особенно, если это потерпевший). Поэтому нужно создать условия для снижения напряжения.

С целью создания наиболее комфортных условий для ребёнка, следственные действия необходимо проводить в специально оборудованном помещении, оснащённом необходимым психологическим инструментарием и удобной

¹⁰⁹Бакурина А.И. Роль педагога и психолога в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних // Юридические науки. Т. 3. 2017. С. 88.

мебелью. Необходимо обеспечить видеосъёмку следственного действия. Это позволяет избежать вызова несовершеннолетнего в суд, что снижает риск вторичной травматизации ребенка.

Признание ребенка о произошедшем насилии является одним из наиболее значимых доказательств сексуального посягательства, а в некоторых случаях может оказаться и единственным доказательством. Спонтанный рассказ ребенка о сексуальном злоупотреблении зарубежными специалистами признается одним из наиболее достоверных доказательств, поскольку случаи преднамеренной лжи известны только со стороны подростков. Редкость оговоров взрослых подтверждается и отечественной практикой оказания помощи детям, пострадавшим от сексуального насилия.

Определить признаки, свидетельствующие о достоверности слов ребенка, поможет участие психолога. К числу таких признаков относятся: а) использование ребенком для обозначения половых органов и действий привычной детской лексики, а не терминологии, характерной для взрослых; б) описание деталей, которые с точки зрения взрослых представляются малозначительными, например, погода в день происшествия, вид одежды; в) описание своих ощущений во время совершения действий сексуального характера (противно, страшно и т.д.); г) основные элементы рассказа последовательны и логичны, при этом необходимо учитывать, что дети дошкольного и младшего школьного возраста испытывают затруднения в точной датировке событий, хотя правильно описывают их общую последовательность; д) ребенок может рассказывать только о том, что является частью его жизненного опыта, даже фантазии ребенка основываются на его жизненном опыте и том, что известно ему из книг, кинофильмов и других источников информации¹¹⁰.

В тоже время ребенок без объяснения причин может замолчать. Для выяснения причин такого поведения помочь психолога просто необходима. Ситуация и мотивы ребенка могут меняться, поэтому встречаются случаи, когда через некоторое время после признания ребенок отказывается от своих слов, утверждая, что ничего не было, и он все выдумал. Признание ребенка – это процесс, в ходе которого у ребенка формируется мотивация рассказать о перенесенном насилии специалисту или значимому взрослому. Стимулирование данной мотивации – важнейшая задача психолога важнейшего участника допроса несовершеннолетнего.

¹¹⁰ Гурьева Т.Ю. и др. Психолог – помощник следователя. Работа психолога на следственных действиях с детьми, пострадавшими от сексуального насилия и иных действий сексуального характера. Психологическая реабилитация потерпевших несовершеннолетних и членов их семей (методическое пособие). СПб: Изд-во «Лема», 2015. С. 67–68.

Литература

1. Грицаев С.И., Влезько Д.А., Шевель Д.В. Использование психологических знаний в расследовании преступлений: учебное пособие. Краснодар, 2013. 200 с.
2. Гурьева Т.Ю. и др. Психолог – помощник следователя. Работа психолога на следственных действиях с детьми, пострадавшими от сексуального насилия и иных действий сексуального характера. Психологическая реабилитация потерпевших несовершеннолетних и членов их семей (методическое пособие). СПб: Изд-во «Лема», 2015. 150 с.
3. Копосова Е.В., Шеремета О.Л. Работа психолога на следственных действиях с несовершеннолетними // Психологическая газета. 18.07.2016. URL: <http://psy.su/feed/5518> (дата обращения: 16.05.2025).
4. Цымбал Е.И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия. – изд. 2-е испр. и доп. – М., 2010. 207 с.

В.А. Сыроегин
А.Б. Калинкина

^{1,2}Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации

Вопросы квалификации незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенных с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)

Аннотация: В статье исследуются особенности квалификации незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенных с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Увеличение числа преступлений, связанных со сбытом наркотических средств в значительной степени обусловлено доступностью информации и анонимностью в сети Интернет. Рассматривается проблема подростковой наркопреступности, и высказывается мнение о необходимости изменения возраста уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова: наркомания, незаконный сбыт наркотических средств, наркотические средства, психотропные вещества, аналоги, проблемы квалификации, уголовная ответственность, информационно-телекоммуникационные сети, средства массовой информации, сеть Интернет.

Проблема незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ остаётся одной из наиболее значимых вызовов на глобальном уровне XXI века. Эта проблематика универсальна и касается всех стран, в том числе Российской

Федерации (далее – РФ), где на данный момент отмечается рост преступности в указанной области. Это подтверждается краткой характеристикой состояния преступности в РФ за период с января по декабрь 2024 года, анализ статистических данных которых свидетельствуют о негативной динамике: правоохранительными органами было зафиксировано 198 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, что на 3,7 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹¹¹.

Вместе с тем интернет-технологии, ставшие неотъемлемой частью современной жизни, обеспечивают преступникам новые подходы для осуществления незаконной деятельности. Так, виртуальное пространство стало платформой не только для общения и бизнеса, но и для совершения преступлений, включая незаконный оборот наркотических средств.

Глобализация информационных сетей предоставляет новые возможности для развития данной сферы: создание групп и страниц в социальных сетях, использование мессенджеров для прямого общения с покупателями, создание анонимных чатов и ботов для обмена сообщениями и совершения сделок, возможность оплаты криптовалютой, затрудняющей отслеживание транзакций, участие в закрытых форумах, а также появление скрытой рекламы¹¹². Указанные способы свидетельствуют о том, насколько растет уровень технической оснащенности преступников в указанной сфере преступной деятельности.

Так, обвиняемый Ф., используя возможности анонимной коммуникации в сети Интернет с помощью приложения Jabber, осуществлял незаконный сбыт наркотических средств на территории города Краснодара. За свою преступную деятельность, Ф. получал на свой виртуальный электронный кошелек криптовалюту в виде Bitcoin. Затем посредством конвертации криптовалюты в рубли Ф. осуществлял легализацию доходов, полученных преступным путем от незаконного оборота наркотических средств, интегрируя их в финансовую систему РФ под видом законно полученных средств, иными словами, придавал правомерный вид владению ими и в дальнейшем использовал их для расчета за товары. Суд квалифицировал действия Ф. по ч.3 ст. 30 ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ.

Ответственность за данный вид преступлений наступает с 16 лет. Однако возникает необходимость актуализации существующего законодательства к современным реалиям.

Так, 05.02.2025 Председатель Следственного комитета РФ, А.И. Бастрыкин, на заседании расширенной коллегии Следственного комитета РФ, высказал предложение по снижению возрастного предела для привлечения к уголовной

¹¹¹ Состояние преступности. МВД России: официальный сайт. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 07.03.2025).

¹¹² Серегина А.О. Преступность несовершеннолетних лиц в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Молодой ученый. 2024. № 3 (502). С. 421–423.

ответственности за совершение преступлений в сфере сбыта наркотических средств - с 16 до 14 лет. Он полагает, что это даст возможность укрепить систему противодействия преступности в данной области среди молодежи, которые часто оказываются вовлечены в данную деятельность «более взрослыми преступниками». Кроме этого, согласно интервью председателя Следственного комитета РФ «Российской газете» «Опасный возраст» от 2023 года, А.И. Бастрыкин отметил, что в отношении практически 4700 несовершеннолетних отказано в возбуждении уголовного дела либо прекращены уголовные дела в связи с недостижением ими возраста привлечения к уголовной ответственности¹¹³.

С целью обосновать данное предложения, предлагается проанализировать уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ). Так, ответственность за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов предусмотрена ч. 2-5 ст. 328 УК РБ. Согласно ч.2 ст. 27 УК РБ, лица, совершившие вышеуказанное преступление в возрасте от 14 до 16 лет, подлежат уголовной ответственности¹¹⁴.

Применение опыта Республики Беларусь в российском уголовном законодательстве требует учёта различий социально-экономических, культурных и правовых факторов двух стран. Однако, сам факт существования уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотических средств с 14 лет в Республике Беларусь является аргументом в пользу рассмотрения возможности снижения возраста уголовной ответственности в Российской Федерации. Такой подход позволит не только укрепить систему противодействия преступности в данной области среди молодёжи, но и создать дополнительные механизмы защиты несовершеннолетних от вовлечения в преступную деятельность «более взрослыми преступниками».

Кроме этого, в российской судебно-следственной практике имеются случаи совершения незаконного сбыта наркотических средств в группе лиц, куда входят и несовершеннолетние лица, не достигшего возраста 16 лет. Так, С. вовлек несовершеннолетние лицо в незаконный сбыт наркотических средств, обещая последнему, что у того никаких проблем с законом не будет, так как тот не достиг возраста для привлечения к уголовной ответственности. После чего, реализуя свой корыстный умысел, С. сбывал наркотические средства на территории г.

¹¹³ Опасный возраст: интервью Председателя Следственного комитета «Российской газете» // Следственный комитет Российской Федерации: URL: <https://omsk.sledcom.ru/folder/879089/item/1797334?print=1> (дата обращения: 07.03.2025)

¹¹⁴ Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий / Т. П. Афонченко, Н. А. Бабий, А. В. Барков [и др.]; под редакцией доктора юридических наук, профессора В. М. Хомича [и др.]. Минск: Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 2019. 997 с.

Ставрополь с помощью несовершеннолетнего лица, у которого была отведена роль в преступной группе – «закладчика»¹¹⁵.

Исходя из анализа УК РБ, а также российской судебно-следственной практики, представляется необходимым отметить, что предложение А.И. Бастрыкина считается обоснованным, так как посредством снижения возраста привлечения к уголовной ответственности за вышеуказанные преступления, потенциально, может оказаться сдерживающее воздействие, предотвращая целую серию преступлений и формируя у молодых людей более зрелое и ответственное отношение к своим поступкам.

Вместе с тем, помимо дискуссий о целесообразности снижения возраста привлечения к уголовной ответственности за распространение наркотических средств, существует и ряд других проблемных аспектов, требующих внимания среди правоприменителей.

Согласно п.п. 13-13.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14, незаконный сбыт следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств независимо от их фактического получения приобретателем «...» Однако, если лицо по независящим от него обстоятельствам не передает наркотические средства приобретателю, то такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств¹¹⁶.

Однако вышеизложенные разъяснения Пленума ВС РФ, казалось бы, устанавливающее чёткие критерии определения момента окончания незаконного сбыта наркотических средств, не всегда находит однозначное применение в судебно-следственной практике. Иллюстрацией этого служит пример, демонстрирующий неоднозначный подход к квалификации оконченного состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, так и покушения на него. Так, X. поместил приобретенные им наркотические средства в тайники, о чем сообщил С. Затем указанные сведения о тайниках были размещены на сайте интернет-магазина с целью последующего сбыта потребителям наркотических средств. Судом первой инстанции X. был признан виновным в совершении оконченного преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, судами апелляционной, первой кассационной инстанции вышеуказанная квалификация осталась без изменения. Однако, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ переквалифицировала деяния X. на покушение к незаконному сбыту наркотических средств, мотивируя это тем, что в уголовном деле не имеются

¹¹⁵ Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя № 1-1165/2020 1-95/2021 от 2 марта 2021 г. по делу № 1-1165/2020 // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс

¹¹⁶ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

сведении о предоставлении потребителям информации о местонахождении закладках, в том числе через сайт в авторежиме без участия оператора интернет-магазина. На основании этого, суд переквалифицировал вышеуказанные преступные действия на покушение¹¹⁷.

Аналогичный случай был рассмотрен тем же судом, позже. Так, Р. и Т. разместили наркотическое средство в тайниках для последующего сообщения соучастнику преступления с помощью сети Интернет о месте нахождения закладки в целях сбыта. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции Р. был признан виновным в совершении оконченного преступления, то есть по ст. 228.1 УК РФ. Однако, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ изменила приговор, переквалифицировав указанное преступление на покушение (т.е. ч.3 ст. 30 п. «г» ч.4 ст. 228.1 УК РФ), разъясняя, что уведомление соучастника о закладке не может свидетельствовать об оконченном составе преступления, так как неизвестно, была ли доведена информация о месте хранения закладки до приобретателя или нет. В связи с этим, суд переквалифицировал вышеуказанные преступные действия на покушение незаконного сбыта наркотических средств, тем самым смягчив окончательное наказание¹¹⁸.

Анализ приведенной судебно-следственной практики свидетельствует о наличии серьезных проблем в единообразном применении норм уголовного закона, регламентирующих ответственность за указанные преступления, а также об отсутствии четких критериев разграничения оконченного состава данного преступления и покушения на его совершение.

Особую сложность для правоприменителей представляет квалификация действий лиц, связанных с организацией тайников («закладок») с наркотическими средствами и передачей информации об их местонахождении другим участникам преступной схемы, ответственным за последующую реализацию запрещенных веществ потребителю. Как показывает практика, суды по-разному оценивают такие действия, в зависимости от наличия доказательств доведения информации о закладке до конечного приобретателя наркотических средств.

Такая неопределенность в судебно-следственной практике создает риск произвольного толкования уголовного закона и может приводить к несправедливым решениям, нарушающим принцип равенства перед законом. Необходимость обеспечения единообразного подхода к квалификации указанных действий требует внесения соответствующих разъяснений в постановления Пленума ВС РФ № 14, направленных на формирование четких и

¹¹⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.07.2022 по делу № 44-УД22-18-к7 // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

¹¹⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.08.2022 по делу № 18-УД22-41-к4 // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

объективных критериев разграничения оконченного сбыта наркотических средств и покушения на его совершение с учетом современных способов совершения данного преступления, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Вопрос о снижении возраста уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств требует всесторонней оценки возможных положительных и отрицательных последствий принятия данного решения, а в качестве альтернативного решения, следует рассмотреть возможность ужесточения санкций за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, что позволит более эффективно бороться с распространением наркотиков среди молодёжи, не прибегая к радикальному снижению возраста уголовной ответственности.

Литература

1. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.07.2022 по делу № 44-УД22-18-к7 // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.08.2022 по делу № 18-УД22-41-к4 // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
4. Опасный возраст: интервью Председателя Следственного комитета «Российской газете» // Следственный комитет Российской Федерации: URL: <https://omsk.sledcom.ru/folder/879089/item/1797334?print=1> (дата обращения: 07.03.2025).
5. Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя № 1-1165/2020 1-95/2021 от 2 марта 2021 г. по делу № 1-1165/2020 // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
6. Серегина А.О. Преступность несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Молодой ученый. - 2024. - № 3 (502). С. 421–423. URL: <https://moluch.ru/archive/502/110342/> (дата обращения: 07.03.2025).
7. Состояние преступности. МВД России: официальный сайт. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 07.03.2025).
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий / Т.П. Афонченко, Н.А. Бабий, А.В. Барков [и др.]; под редакцией доктора юридических наук, профессора В.М. Хомича [и др.]. Минск: Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 2019. 997 с.

В.Б. Хазизулин
Университет прокуратуры
Российской Федерации

Причинно-следственная связь в преступлениях, соврежённых при оказании медицинской помощи

Аннотация. В статье рассматривается сущность причинно-следственной связи в уголовном судопроизводстве и определяется её значение. Приводятся примеры её установления по делам о преступлениях, совершённых при оказании медицинской помощи, не только путём исследования медицинской документации, но и посредством проведения иных следственных и процессуальных действий. Обосновывается необходимость развернутого её доказывания.

Ключевые слова: медицинская помощь, медицинский работник, пациент, преступление, причина, следствие, причинно-следственная связь, уголовное дело, расследование.

Специфичность правоотношений, связанных с оказанием медицинской помощи, а также внешняя закрытость данной области здравоохранения создают определённые трудности в расследовании соответствующих преступных посягательств, о чём неоднократно отмечалось в литературе¹¹⁹.

При этом установление прямой (непосредственной) причинно-следственной связи между деянием медицинского работника и наступившими для пациента общественно-опасными последствиями, связанными с состоянием его здоровья и (или) его жизнью, является необходимым условием для привлечения к уголовной ответственности за ненадлежащее оказание (виновное неоказание) медицинской помощи¹²⁰, что также на практике может вызывать определённые сложности.

В юридической литературе как уголовно-правового, так и цивилистического характера существуют различные подходы относительно такой связи.

Так, О.С. Иоффе в своих трудах по этой проблематике обосновывает «теорию возможности и действительности». Суть её заключается в том, что деяние виновного создаёт конкретную (не абстрактную) возможность вредных последствий и превращает возможный результат в действительный¹²¹.

¹¹⁹ См., напр.: Новейшие следственные ошибки. Учеб. пособие / под ред. Ю.А. Цветкова. М., ЮНИТИ, 2021. С. 9.

¹²⁰ См.: Хазизулин В.Б. Методика установления причинно-следственной связи как необходимого основания уголовной ответственности медицинского работника // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сб. матер. VI Всерос. науч.-практ. конф. (Рязань, 16 дек. 2021 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2022. С. 354-360.

¹²¹ Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит, 1975. С. 106–153.

Несколько иные научные воззрения на существование причинной связи содержатся в трудах Т.В. Церетели¹²², В.Б. Малинина¹²³, З.Б. Соктоева¹²⁴, Ю.А. Хрусталёвой¹²⁵ и других авторов.

Не ставя перед собой задачу сравнительного исследования этих подходов, согласимся с мнением Т.В. Дерюгиной, согласно которому причинно-следственная связь представляет собой соотношение, когда одно явление, предшествующее другому по времени (причина), порождает при определённых обстоятельствах другое явление (следствие)¹²⁶.

Исходя из объективной фиксации в медицинских документах обозначенных причины и следствия, посредством использования специальных знаний несложно установить наличие причинно-следственной связи между деянием медицинского работника и наступившими последствиями. Но что делать следователю, когда соответствующих медицинских документов не имеется либо содержащиеся в них сведения не полны, не конкретизированы, умышленно искажены, частично уничтожены и т.п.?

Рассмотрим подобную ситуацию на примере уголовного дела по обвинению врача-терапевта Н. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, по факту ненадлежащей медицинской помощи, оказанной пациенту Ш., в результате чего наступила его смерть. В процессе проведённой по этому делу комиссионной судебно-медицинской экспертизы (далее – СМЭ) в ходе исследования объема и качества медицинской помощи определить причину наступления смерти Ш., как и дать оценку выявленным её дефектам и определить их роль в наступлении неблагоприятного исхода, не представилось возможным по причине наличия значительных неустранимых нарушений, допущенных в ходе проведения патолого-анатомического вскрытия трупа пациента.

В связи с этим следователь вынужденно сформулировал обвинение в части наступления общественно-опасных последствий путём указания на усугубление состояния здоровья Ш. и угрозы его жизни в результате ненадлежащего выполнения Н. своих профессиональных обязанностей, что могло повлечь наступление смерти пациента.

¹²² Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1957. 276 с.

¹²³ Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. СПб, 1999. 43 с.

¹²⁴ Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 64–65.

¹²⁵ Хрусталёва Ю.А. Причинно-следственные связи в судебной медицине: содержание, способы выявления и значение при механической травме: дис. ... д-ра мед. наук. СПб, 2018. 392 с.

¹²⁶ Дерюгина Т.В. Дефекты установления причинно-следственной связи между оказанием медицинских услуг и наступившими последствиями // Мировой судья. 2020. № 12. С. 8–13.

При такой конструкции фабулы обвинения действия Н. квалифицированы по указанной норме уголовного закона¹²⁷.

В процессе судебного рассмотрения уголовное дело возвращено прокурору в порядке ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Основанием для этого явилась правовая позиция, согласно которой суд в обвинительном приговоре по соответствующей категории уголовных дел обязан сослаться на наличие причинной связи между деянием виновного и наступившими последствиями в виде смерти человека¹²⁸.

Однако, как установлено судом, в описании преступного деяния, в совершении которого обвиняется Н., высказано предположение о наличии причинной связи между её бездействием и наступлением смерти Ш. Это свидетельствует об отсутствии конкретизации предъявленного обвинения в части наличия прямой причинно-следственной связи между деянием медицинского работника и неблагоприятным исходом для пациента¹²⁹.

Таким образом, очевидно, что объективная невозможность установить рассматриваемую связь может при определённых обстоятельствах являться основанием, фактически исключающим уголовную ответственность по всем рассматриваемым преступлениям, связанным с медицинской помощью.

Изучение следственно-судебной практики свидетельствует, что подобные факты (утрата медицинских документов, ненадлежащее их оформление ввиду неверных медицинских манипуляций и т.п.) являются основанием для прекращения уголовных дел ввиду отсутствия события или состава преступления¹³⁰, что, по нашему мнению, не всегда является обоснованным. Представляется, что первоначальная внешняя видимость бесперспективности уголовного дела с точки зрения доказанности вины медицинского работника, с которой в данном случае имеет дело следователь, является своего рода «иллюзией». Именно поэтому всегда существует риск воспринимать какую-либо информацию раздельно, если не оценивать все полученные по уголовному делу доказательства в единой системе. В связи с чем, несмотря на указанные обстоятельства, следователю стоит занимать активную наступательную позицию, связанную с установлением в процессе расследования объективных

¹²⁷ Справочно: соответствующая квалификация применена до введения в действие примечания к ст. 238 УК РФ Федеральным законом от 28.12.2024 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

¹²⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

¹²⁹ Постановление Уссурийского районного суда Приморского края от 12.08.2024 по делу № 1-471/2024 // Уссурийский районный суд Приморского края: офиц. сайт. URL: <https://ussuriysky--prm.sudrf.ru> (дата обращения: 12.05.2025).

¹³⁰ См., напр.: постановление о прекращении уголовного дела от 12.07.2022 по уголовному делу № 11902050001000032 // Архив СУ СК России по Приморскому краю. 2022.

сведений о причине общественно-опасных последствий для пациента, а также о наличии соответствующей причинно-следственной связи.

Для этого необходимо обратиться к порядку проведения СМЭ, согласно которому объектами её исследования наряду с медицинскими документами являются: вещественные доказательства и объекты биологического и иного происхождения; материалы дела; иные объекты исследований, представленные лицом, назначившим экспертизу¹³¹.

Осознавая указанный порядок, следователю надлежит «изучить характеристику ситуации и отделить те факторы, которые влияют на принятие решений, разработать альтернативные курсы действий»¹³², после чего принять все необходимые процессуальные меры к воссозданию криминалистической модели преступной деятельности. Она должна представлять собой максимальную концентрацию объективных факторов, которые отражают реальные сведения о конкретном механизме медицинской помощи в отношении определённого пациента, с учётом всех его элементов. Именно такая модель позволит рассматривать изучаемую помощь как систему определённых действий (бездействия), которая предоставляет криминалистически значимую информацию о себе самой.

И вот здесь-то не стоит ограничиваться исследованием конкретного состава преступной деятельности. Напротив, указанная модель должна содержать в себе отражение всей специфики профессиональной деятельности медицинского работника, связанной с противоправным поведением, вплоть до поэтапного скрупулёзного и детального её описания не только и не столько посредством исследования медицинской документации, но и с использованием иных доказательств (показаний свидетелей, потерпевшего, изучение видеозаписей, видеорегистраторов, применённой в процессе диагностики и лечения медицинской техники, исследование биологического материала пациента и пр.), а также путём установлением истинной мотивации и иных связей субъекта медицинской помощи с его конкретным деянием.

Кроме того, в приведённом и подобных примерах вышеописанный факт нарушений, допущенных в ходе патологоанатомического вскрытия, нужно оценивать с точки зрения сокрытия преступления и противодействия его расследованию, что, при установлении непосредственных исполнителей и заинтересованных лиц, также подлежит юридической оценке во взаимосвязи с исследуемым преступным поведением.

Соответствующий анализ и обобщение сущностных характеристик деяния медицинского работника позволяет наглядно его проиллюстрировать и

¹³¹ Приказ Минздрава России от 25.09.2023 № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы»// Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

¹³² Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности: учеб. пособие / Калинингр. гос. ун-т. Калининград, 1999. С.17.

представить в распоряжение экспертной комиссии с иными материалами уголовного дела, в том числе при проведении как дополнительной, так и повторной комиссионной СМЭ.

Важно заметить, что при вынесении соответствующего постановления целесообразно детально отразить в описательной его части конкретные действия (бездействие) субъекта медицинской помощи, акцентировав на них внимание исходя из поступала, что «явление..., создавшее реальную возможность наступления результата... или превратившее реальную возможность в действительность, всегда является его причиной»¹³³. Именно такой подход позволил привлечь врача-хирурга Ш. к уголовной ответственности за ненадлежащую медицинскую помощь лицу, получившему травму в виде разрыва брыжейки тонкого кишечника, которая привела к его смерти, в то время как её наступления можно было избежать при надлежащем медицинском лечении¹³⁴.

Подводя итог, отметим, что к основным целям при расследовании рассматриваемых преступлений, несомненно, следует относить необходимость установления прямой причинно-следственной связи между деянием медицинского работника и наступившим для пациента неблагоприятным результатом. При этом внешнее отсутствие такой связи либо невозможность формулирования вывода о её наличии не должны рассматриваться в качестве безусловного основания для прекращения уголовного дела, пока следователем не предпринят весь комплекс исчерпывающих следственных действий и иных процессуальных мер, направленных на её установление.

Литература

1. Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности: учеб. пособие / Калинингр. гос. ун-т. Калининград, 1999. 74 с.
2. Дерюгина Т.В. Дефекты установления причинно-следственной связи между оказанием медицинских услуг и наступившими последствиями // Мировой судья. 2020. № 12. С. 8-13.
3. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.
4. Курс советского уголовного права / под ред. М.Д. Шаргородского, Н.А. Беляева: в 5 т. Л., 1968–1981. Часть Общая. Л., 1968. Т. 1. 648 с.
5. Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. СПб., 1999. 43 с.
6. Новейшие следственные ошибки. Учеб. пособие / под ред. Ю.А. Цветкова. М., ЮНИТИ, 2021. 415 с.

¹³³ Курс советского уголовного права / под ред. М.Д. Шаргородского, Н.А. Беляева: в 5 т. Л., 1968–1981. Часть Общая. Л., 1968. Т. 1. С. 346, 352.

¹³⁴ Уголовное дело № 1-378/2024 // Архив Советского районного суда г. Владивостока. 2024.

7. Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 408 с.

8. Хазизулин В.Б. Методика установления причинно-следственной связи как необходимого основания уголовной ответственности медицинского работника // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сб. матер. VI Всерос. науч.-практ. конф. (Рязань, 16 дек. 2021 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2022. С. 354-360.

9. Хрусталёва Ю.А. Причинно-следственные связи в судебной медицине: содержание, способы выявления и значение при механической травме: дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 2018. 392 с.

10. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1957. 276 с.

О.А. Харламова

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

К вопросу о назначении судебных экспертиз

Аннотация. На современном этапе роль судебных экспертиз в процессе раскрытия и расследования различных видов правонарушений и преступлений возросла. Однако вопросам их назначения уделяется недостаточно внимания. Несмотря на высокую значимость и результаты производства судебных экспертиз на этапе их назначения все еще существует определенные трудности взаимодействия судебного эксперта и лица, назначающего судебную экспертизу. Некоторые из них мы рассмотрим в данной статье и предложим пути решения таких вопросов.

Ключевые слова: судебная экспертиза, назначение судебной экспертизы, лицо, назначающее судебную экспертизу, взаимодействие указанных лиц.

На современном этапе роль судебных экспертиз в процессе раскрытия и расследования различных видов правонарушений и преступлений возросла. Однако вопросам их назначения уделяется недостаточно внимания. По статистике каждое уголовное дело сопровождается производством судебной экспертизы. При этом в некоторых случаях она является единственным доказательством. В свете внедрения цифровых технологий результативность судебных экспертиз возросла. Из общего количества назначаемых судебных экспертиз, треть из них – это комплексные судебные экспертизы.

Несмотря на высокую значимость и результаты производства судебных экспертиз на этапе их назначения все еще существует определенные трудности взаимодействия судебного эксперта и лица, назначающего судебную экспертизу.

С целью уяснения таких проблем нами было проведено анкетирование сотрудников экспертно-криминалистических подразделений по данному вопросу, а также изучены архивные уголовные дела. Результаты такого

исследования показали, что на сегодня еще не все вопросы взаимодействия судебного эксперта и заинтересованных лиц урегулированы.

Обозначим некоторые из них. В первую очередь обратим внимание на недостаточную осведомленность лиц, назначающих судебную экспертизу о пределах компетенции судебного эксперта, что выражается в неточной и некорректной формулировке вопросов при назначении судебной экспертизы.

Иногда содержание таких вопросов выходит за пределы компетенции судебного эксперта, что в свою очередь оказывает влияние на производство такой экспертизы, ее результатов и как следствие возможного назначения повторной экспертизы. Так, например, в ходе рассмотрения дела по факту дорожно-транспортного происшествия от представителя ответчика поступило ходатайство о назначении повторной автотехнической экспертизы, в обоснование своего ходатайства представил Заключение специалистов, в котором было указан факт некорректной постановки вопросов и выхода за пределы компетенции судебного эксперта¹³⁵.

Немаловажным фактором этапа назначения судебной экспертизы является знания о возможностях производства того или иного вида судебной экспертизы на современном этапе. Так, на сегодняшний день в качестве объектов судебной портретной экспертизы могут быть представлены как фотоснимки, видеозаписи, так и иная изобразительная продукция, содержащая какие-либо изменения, в том числе с применением современных цифровых технологий. В связи с этим, у лица, назначающего судебную экспертизу по такого рода объектам, возникают трудности в формулировке вопросов и определении компетенции того или иного эксперта¹³⁶.

На сегодняшний день сложности возникают и с определением вида и рода назначаемой судебной экспертизы. Классификация судебных экспертиз разработана в полном объеме и представлена в различных источниках как нормативных, так и научных. Однако проблема состоит в том, что один и тот же вид судебной экспертизы в разных ведомствам имеет отличную друг от друга формулировку. Указанный факт вызывает затруднения у лиц, назначающих судебную экспертизу того или иного вида, что в свою очередь оказывает влияние на процесс назначения и производства судебной экспертизы.

¹³⁵ Шибаев А.Н. О взаимодействии эксперта и следователя при назначении и производстве идентификационных транспортно-трасологических исследований // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: Сборник научных трудов Международного научно-практического форума. Москва, 27 июня 2024 года. Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. С. 443–445.

¹³⁶ Аскерова Н.Н. Некоторые вопросы при назначении и проведении судебной портретной экспертизы // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 19 октября 2023 г. М., Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 21–26.

Не до конца решенным остается вопрос по назначению комплексных судебных экспертиз. Назначение комплексных судебных экспертиз регламентировано различными нормативными актами. Однако в некоторых из них нет даже понятия комплексной судебной экспертизы, что также оказывает влияние на процесс назначения такой экспертизы. При этом у лиц, заинтересованных в производстве такой экспертизы, возникают трудности при определении сущности такого вида исследования и возможности ее производства, а также формулировании вопросов для ее производства.

Изучение архивных уголовных дел показало, что в постановлениях не всегда указывался вид комплексной судебной экспертизы, что приводило к затягиванию процесса ее производства, а иногда и возврату заинтересованному лицу.

Перечисленные выше проблемы взаимодействия лиц, назначающих судебные экспертизы и судебных экспертов лишь частично раскрывают сущность всех имеющихся вопросов по данному направлению. Однако на сегодняшний день, с нашей точки зрения, есть возможность решения таких вопросов. В первую очередь – это информационное взаимодействие, также считаем важным проведение обучающих семинаров по вопросам назначения судебных экспертиз. В тоже время практику консультирования по вопросам назначения судебных экспертиз необходимо продолжить.

Литература

1. Аскерова Н.Н. Некоторые вопросы при назначении и проведении судебной портретной экспертизы // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 19 октября 2023 года) М. Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 21–26.
2. Шибаев А.Н. О взаимодействии эксперта и следователя при назначении и производстве идентификационных транспортно-трасологических исследований // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: Сборник научных трудов Международного научно-практического форума, Москва, 27 июня 2024 года. Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. С. 443–445.

А.Б. Шавловский
Московская академия
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

К вопросу об инструментальном обеспечении судебной компьютерно-технической экспертизы

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы, связанные с инструментальным обеспечением производства судебных компьютерно-технических экспертиз в современных условиях. Проведен общий анализ используемой для производства компьютерно-технических экспертиз специальной и криминалистической техники. Раскрыта необходимость апробации технико-криминалистического и экспертного инструментария для его дальнейшего использования в практической деятельности.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебная компьютерно-техническая экспертиза, инструментарий, программно-аппаратный комплекс, апробация.

Расследование современных видов преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, представляет сложную комплексную работу, эффективность которой связана с применением специальных методов и средств для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования цифровых следов. Одним из таких современных и распространенных инструментов содирания и исследования цифровых доказательств является судебная компьютерно-техническая (компьютерная) экспертиза.

Среди проблем организации экспертно-криминалистической деятельности, М.О. Янгаева выделяет нехватку специалистов в области производства СКЭ (судебной компьютерной экспертизы), а также актуальных методик их производства, технического обеспечения¹³⁷.

Сегодня не существует единых методических рекомендаций, а также стандартов по обеспечению компьютерно-технических экспертных подразделений современной специальной и криминалистической техникой для исследования цифровых следов. При этом, вопрос инструментального обеспечения производства судебных компьютерно-технических экспертиз является важным с точки зрения повышения их эффективности, точности получаемых результатов и сокращения сроков производства экспертных исследований. Специальную и криминалистическую технику, необходимую для производства судебных компьютерно-технических экспертиз, можно разделить на следующие виды:

¹³⁷ Янгаева М.О. Особенности назначения судебных компьютерных экспертиз при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Материалы криминалистических чтений: сборник материалов. Барнаул, 23 ноября 2023 г. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2023. С. 77.

1. Аппаратно-программные средства обеспечения доступа к компьютерной информации. Основное их предназначение заключается в обеспечении доступа к памяти электронного носителя, копировании компьютерной информации с соблюдением принципа неизменности данных. Для этого используются:

– аппаратно-программные блокираторы записи, позволяющие подключать интересующий электронный носитель в режиме «только чтение» для недопущения внесения изменений в его информационное содержимое;

– аппаратно-программные дубликаторы, позволяющие создавать точные копии (дубликаты) информационного содержимого подключаемых электронных носителей с расчетом их контрольных сумм (криптографического хэша) для фиксации целостности их содержимого.

2. Специализированное программное обеспечение. Представляют собой программные инструменты для анализа и исследования извлеченных цифровых данных. Как правило, поставляются без аппаратной части и функционируют на рабочих компьютерных станциях специалистов и экспертов.

3. Программно-аппаратные комплексы. Представляют собой сложные технико-криминалистические комплексы, состоящие из аппаратной и программной части соответственно. Как правило, комбинируют функциональные возможности технико-криминалистических и экспертных средств по обеспечению доступа к компьютерной информации, извлечению цифровых данных и их исследованию. К примеру, современные программно-аппаратные комплексы для работы с неисправными электронными носителями, основная цель которых состоит в обеспечении доступа к неисправным электронным носителям, «считывание» их информационного содержимого, восстановление удаленной и поврежденной информации и др.

Применяемый в рамках судебной экспертизы инструментарий должен соответствовать современному уровню развития науки и техники, а получаемые при его использовании результаты – воспроизводимы и проверяемы.

Таким образом, технико-криминалистический и экспертный инструментарий должен пройти соответствующую апробацию, т.е. непосредственные испытания в практической деятельности. Термин «апробация», согласно большому толковому словарю русского языка, означает «официальное одобрение, утверждение, основанное на проверке, испытании»¹³⁸. Результаты проведенной аprobации подтверждают или опровергают возможность использования конкретного инструментария в экспертно-криминалистической деятельности.

В Следственном комитете Российской Федерации рассмотрение результатов аprobации новых образцов программных и технических средств, принятие решений о возможности их использования в области технико-криминалистического и экспертного обеспечения расследования преступлений

¹³⁸ Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. - СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.

возложено на научно-технический совет, созданного на основании приказа Следственного комитета Российской Федерации¹³⁹.

Литература

Янгаева М.О. Особенности назначения судебных компьютерных экспертиз при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Материалы криминалистических чтений: сборник материалов. Барнаул, 23 ноября 2023 г. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2023. С. 75–77.

Т.В. Черемисина
Московская академия
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Проблемы реализации процессуальных гарантий подозреваемого при его задержании и избрании меры пресечения

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения процессуальных гарантий подозреваемого при его задержании и избрании меры пресечения. Автор анализирует существующие проблемы реализации прав задержанного лица, включая соблюдение сроков задержания, оформление процессуальных документов и обеспечение права на защиту. Особое внимание уделяется исследованию типичных нарушений при задержании подозреваемого и их последствиям для уголовного процесса. В работе рассматриваются процессуальные гарантии, предоставляемые подозреваемому при избрании меры пресечения, а также механизмы защиты его прав в случае их нарушения.

Ключевые слова: подозреваемый, задержание, мера пресечения, следователь, суд, гарантии, следственные ошибки.

В современном уголовном процессе институт подозреваемого продолжает оставаться одним из наиболее дискуссионных. На протяжении десятилетий ученые-процессуалисты ведут активные научные споры относительно правовой природы данного участника уголовного судопроизводства, его процессуального статуса и гарантий защиты прав. Особую актуальность приобретает исследование типичных ошибок при задержании подозреваемого, поскольку данный процессуальный институт непосредственно связан с ограничением фундаментальных конституционных прав граждан.

В условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства и совершенствования механизмов защиты прав личности особую значимость

¹³⁹ Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 23 мая 2019 г. № 60 «Об образовании научно-технического совета и утверждении Положения о научно-техническом совете Следственного комитета Российской Федерации» // Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

приобретает анализ процессуальных гарантий подозреваемого, а также типичных нарушений при его задержании. Несмотря на длительную историю существования института подозреваемого в российском уголовном процессе, вопросы его правового статуса и процессуальных особенностей задержания продолжают оставаться предметом научных дискуссий. Так, С. Попов и Г. Цепляева полагают, что статус подозреваемого лица не важен в уголовном процессе, т. е. его следует полностью исключить из действующего УПК России¹⁴⁰. Обратной позиции придерживается С.И. Пономаренко, где он утверждает, что подозреваемое лицо должно быть в уголовном процессе и его статус должен сохраняться, также он полагает, что фигуру обвиняемого следует исключить¹⁴¹.

Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства исследуемых государств позволяет констатировать следующие особенности правового регулирования.

В УПК Российской Федерации подозреваемый (ст. 46) признается таковым при возбуждении уголовного дела в отношении него, задержании по основаниям, предусмотренным УПК РФ, либо применении к нему меры пресечения до предъявления обвинения.

УПК Республики Беларусь (глава 6, ст. 40-41) дополнительно конкретизирует, что подозреваемым может быть исключительно физическое лицо, что коррелирует с положениями уголовного материального права¹⁴².

УПК Республики Казахстан (глава 9, ст. 64) предусматривает обязательное согласование с прокурором постановления о признании лица подозреваемым и квалификации совершенного деяния, что свидетельствует о более интенсивном прокурорском надзоре за предварительным расследованием¹⁴³.

Процессуально-правовой анализ определения статуса подозреваемого в исследуемых государствах демонстрирует соблюдение принципов юридической техники: первичное установление процессуального статуса подозреваемого с последующим определением его прав и сроков задержания. При этом в Республике Казахстан наблюдается более интенсивный прокурорский контроль за производством предварительного следствия.

¹⁴⁰ Попов С., Цепляева Г. Нормы нового УПК о подозреваемом не обеспечивают гарантии его конституционных прав // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 31–33.

¹⁴¹ Пономаренко С.И. Современные проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого: специальность 12.00.09 "Уголовный процесс": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2005. 192 с.

¹⁴² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK9900295>.

¹⁴³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-В ЗРК. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>.

Особую актуальность приобретает исследование типичных ошибок при задержании подозреваемого, поскольку данный процессуальный институт непосредственно связан с ограничением фундаментальных конституционных прав граждан.

Д.А. Мыльцын выделят ряд нарушений процессуального законодательства, характерных при производстве задержания. Среди них: Процессуальные нарушения. Исходя из анализа практики, можно выделить следующие ключевые нарушения при задержании лица в порядке ст. 91 УПК: доставление в орган предварительного следствия без оформления протокола задержания (без предъявления постановления о приводе, без фиксации времени прохода в здание органа внутренних дел и т. д.); изъятие мобильного телефона у задержанного, получение доступа к его содержимому без надлежащего документального оформления; лишение задержанного права на телефонный звонок близкому родственнику или иному лицу для уведомления о задержании, а также права воспользоваться помощью адвоката; применение силы при задержании в отсутствие на то оснований; угрозы задержанному или его близким родственникам при задержании; незаконное проникновение в жилище задержанного при задержании¹⁴⁴.

В целях иллюстрации теоретических положений представляется целесообразным обратиться к анализу конкретных судебных решений, в которых получили отражение случаи нарушения процессуальных гарантий подозреваемого со стороны должностных лиц органов предварительного расследования.

Так, в результате прокурорской проверки по жалобе О. выявлено нарушение сотрудниками УФСКН России по Самарской области ч. 1 ст. 92 УПК РФ - отсутствие составления протокола задержания в течение трех часов после доставления подозреваемого. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований, ссылаясь на законность задержания, подтвержденную судебными актами, и зачет времени нахождения под стражей в срок наказания. Апелляционный суд не согласился с этим решением, установив незаконное удержание О. с 21:00 07.04.2014 до 19:30 08.04.2014, и взыскал в его пользу компенсацию морального вреда в размере 10 тысяч рублей (определение Шестого КСОЮ от 17.05.2022 по делу № 88-9673/2022).

Рассмотрим еще один пример. Так, 21 сентября 2015 года дознаватель отдела дознания ОП № 2 УМВД России по Нижнему Новгороду возбудил уголовное дело по части 1 статьи 161 УК РФ в отношении неустановленного лица. В этот же день В. был задержан по данному делу в качестве подозреваемого, в отношении него было применено обязательство о явке. Постановлением от 21 декабря 2015 года уголовное преследование в отношении В. было прекращено по пункту 1 части 1 статьи 27 УПК РФ. Тверской районный суд Москвы 25 августа 2020 года удовлетворил иск и взыскал с Минфина России компенсацию

¹⁴⁴Мыльцын Д.А. Задержание подозреваемого: основные правила и компенсация за нарушения // Уголовный процесс. 2024. № 12. С. 71.

морального вреда в размере 1000 руб. Апелляционным определением Московского городского суда от 18 февраля 2021 года данное решение было оставлено без изменения. Однако определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 ноября 2021 года апелляционное определение было отменено, дело направлено на новое рассмотрение. По результатам нового рассмотрения апелляционным определением Московского городского суда от 28 января 2022 года решение районного суда было изменено в части размера компенсации морального вреда, которая была увеличена до 5000 руб. (определение Второго КСОЮ от 17.05.2022 по делу № 88-11315/2022).

Кроме того, в текущем году Федеральным законом от 28.02.2025 № 13-ФЗ внесены изменения в ст. 108 УПК РФ. Так, заключение под стражу как мера пресечения избирается судом в отношении подозреваемых и обвиняемых в преступлениях средней тяжести (с насилием или угрозой), тяжких и особо тяжких преступлениях при невозможности применения более мягкой меры пресечения. В постановлении суды должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства для избрания данной меры пресечения, при этом не могут использоваться данные, не проверенные в судебном заседании. В исключительных случаях заключение под стражу возможно при преступлениях средней тяжести (без насилия), если лицо не имеет постоянного места жительства в РФ; личность не установлена; нарушена ранее избранная мера пресечения; лицо скрылось от следствия или суда; при преступлениях небольшой тяжести при наличии обстоятельств из двух предыдущих пунктов.

Таким образом, если мера пресечения была избрана на основании ст. 108 УПК РФ в «старой» редакции, то ее срок не может быть продлен судом, если основания не соответствуют требованиям, содержащимся в действующей редакции статьи. Более того, даже до истечения срока содержания под стражей, установленного судебным решением, для подозреваемого (обвиняемого), в совершении преступления средней тяжести, совершенного без угрозы применения насилия или его непосредственного применения, основания избрания такой меры пересечения автоматически отпадают, и лицо должно быть освобождено на основании постановления следователя (дознавателя). После этого следователь может избрать иную меру пресечения, например, подпиську о невыезде, самостоятельно, или обратиться с ходатайством в суд об избрании залога, домашнего ареста или запрета определенных действий.

Итак, проведенное исследование судебной практики позволяет выделить ряд типичных нарушений процессуальных прав подозреваемого, признанных таковыми судебными органами: незаконное ограничение права подозреваемого на получение квалифицированной юридической помощи; нарушение права на уведомление близких родственников о факте задержания; несоблюдение установленных законом сроков задержания; отказ в предоставлении возможности ознакомления с материалами уголовного дела; ограничение права на заявление ходатайств; нарушение права на защиту от собранных доказательств.

Литература

1. Мыльцын Д.А. Задержание подозреваемого: основные правила и компенсация за нарушения // Уголовный процесс. 2024. № 12. С. 69–77.
2. Пономаренко С.И. Современные проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого: специальность 12.00.09 – Уголовный процесс: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2005. 192 с.
3. Попов С., Цепляева Г. Нормы нового УПК о подозреваемом не обеспечивают гарантии его конституционных прав // Российская юстиция. 2002 № 10. С. 31–33.

Л.Е. Чистова

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

Досудебное соглашение о сотрудничестве – сделка с правосудием или важнейший процессуальный механизм преодоления противодействия расследованию наркоПреступлений?

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы применения досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Особое внимание уделяется процессуальным и криминалистическим аспектам реализации данного института в условиях цифровизации преступной деятельности. Автор обосновывает собственную позицию относительно эффективности этого механизма в борьбе с организованными формами наркоПреступности, подкрепляя выводы примерами из следственной практики.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; расследование наркоПреступлений; преодоление противодействия расследованию.

Более 15 лет прошло с момента введения в российское уголовное судопроизводство института досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317¹–317⁹ УПК РФ). Законодатель, закрепляя этот механизм, рассчитывал на повышение эффективности расследования сложных, многоэпизодных преступлений, особенно связанных с организованной преступностью, в том числе и в сфере незаконного оборота наркотиков. Однако на практике с использованием этого института не все просто.

На наш взгляд, помимо всего прочего, проблемой является не совсем корректное восприятие соглашения как практическими сотрудниками, так и учеными в области криминалистики и уголовного процесса как "сделки" или

"компромисса" между обвиняемым и государством¹⁴⁵. Такой подход не только искаивает суть института, но и снижает его потенциал в борьбе с преступностью.

Как нам представляется, соглашение о сотрудничестве «сделкой» признавать никак нельзя по следующим причинам. Во-первых, этимологическое значение этого слова заключается в соглашении между договаривающимися сторонами о каких-либо *взаимных обязательствах*¹⁴⁶ (курсив наш). Но в этом случае стороны ни на какие взаимные уступки не идут.

Согласно ч. 2 ст. 62 УК РФ, обвиняемый, заключивший соглашение, не получает «скидку» автоматически – смягчение наказания возможно лишь при выполнении строгих условий: активное содействие следствию (раскрытие преступления, изобличение соучастников, помочь в розыске похищенного имущества – п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а также подтверждение значимости предоставленной информации судом. При этом гарантии для обвиняемого условны. Ни следователь, ни прокурор не могут гарантировать смягчение наказания – окончательное решение принимает суд. Даже при выполнении всех условий суд вправе отказать в особом порядке рассмотрения его дела, если сочтет, что помочь обвиняемого была недостаточной.

Таким образом, законодатель, предусматривая возможность заключения досудебного соглашения, дает возможность лицам, раскаявшимся в совершенном преступлении и способствовавшим выяснению всех обстоятельств совершенного незаконного действия, исправиться и после отбытия меньшего срока наказания, начать вести добродорядочный образ жизни. Но назвать это уступкой никак нельзя. Скорее всего, это может быть поощрением виновного лица в осознании им своей вины и самоосуждении. Но для того, чтобы заслужить это поощрение, оно должно выполнить указанные выше условия.

Что же касается преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, досудебные соглашения заключаются, в основном, с рядовыми членами преступного формирования. По данным Судебного департамента Верховного суда РФ, 67–72 % соглашений заключаются с курьерами; "закладчиками"; мелкими сбытчиками (ст. 228.1 УК РФ). Только 5–8 % – с координаторами таких преступлений (ст. 210 УК РФ)¹⁴⁷.

Причем, обвиняемые могут давать ложные показания, чтобы получить смягчение, что значительно усложняет расследование таких преступлений.

¹⁴⁵ См.: Попова Е.И. О необходимости создания криминалистических методик на основе принципа компромисса // Lexrussica. 2017. № 9. С. 107 – 115; Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие, содержание, основные признаки // Юристъ-Правовед. 2018. № 3 (86). С. 114–118; Кудрявцева Н.А., Быков В.В. проблемы законодательного регулирования досудебного соглашения о сотрудничестве // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаульский юридический институт МВД РФ. 2023. № 23-1. С. 72–74., и др.

¹⁴⁶ URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения 05.05.2025).

¹⁴⁷ Официальный сайт Судебного Департамента Верховного Суда РФ. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения: 05.05.2025).

Примером может служить уголовное дело, по которому обвиняемый, чтобы минимизировать срок наказания оговорил своих «подельников». Однако суд, признав, что его показания являются фальсифицированными, аннулировал соглашение и назначил максимальный срок¹⁴⁸.

Данные Судебного департамента Верховного суда РФ свидетельствуют о том, что 23% ходатайств о смягчении наказания отклоняются судами из-за незначительной помощи обвиняемых следствию, а в 67 % случаев срок сокращается менее чем на 1/3.

Тем не менее, мы убеждены, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве представляет собой важнейший процессуальный механизм преодоления противодействия расследованию со стороны лиц, заинтересованных в сокрытии истинных обстоятельств преступной деятельности, в том числе в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Современная наркопреступность характеризуется исключительно высокой степенью латентности, что обусловлено активным использованием преступными группами новейших технологий: автоматизированных систем распространения через Telegram-каналы; криптовалютных платежных систем; анонимных коммуникаций (VPN, TOR); одноразовых SIM-карт и аккаунтов; систем «дропов» с минимальным контактом между участниками преступной цепи.

Такая технологическая оснащенность делает традиционные методы расследования малоэффективными. В этих условиях досудебное соглашение становится стратегически важным инструментом, позволяющим вскрывать всю структуру преступной сети; выявлять логистические цепочки преступного формирования; устанавливать источники его финансирования; документировать механизмы отмывания доходов.

Яркой иллюстрацией эффективности этого инструмента может служить уголовное дело в отношении гражданина Л., задержанного за сбыт наркотиков в крупном размере. Заключив досудебное соглашение, он предоставил следствию исчерпывающую информацию о структуре преступного сообщества; функциональных ролях его членов; каналах поставки наркотиков в это сообщество; схемах распределения их по регионам нашей страны; механизмах обналичивания криптовалютной выручки.¹⁴⁹

Это позволило не только задержать всех соучастников, но и вскрыть трансрегиональную сеть распространения.

Безусловно, максимальный эффект дает сотрудничество с организаторами преступных сообществ, располагающих полной информацией о незаконной деятельности. Однако их задержание представляет особую сложность в силу

¹⁴⁸ Приговор Гагаринского райсуда Москвы от 14.03.2023 по уголовному делу № 1-101/2023. Официальный сайт Московского городского суда.

¹⁴⁹ Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве позволило выявить организованную преступную группу, осуществляющую поставку в г. Мирный наркотических средств. URL: <http://proksakha.ru/novosti> (дата обращения: 05.05.2025).

многоуровневой системы безопасности; минимизации прямых контактов с наркотическими средствами и др.

В этой ситуации первоочередное значение приобретает работа с членами низового звена преступного формирования, которые чаще попадают в поле зрения правоохранительных органов. Несмотря на то, что они располагают фрагментарной информацией, но она может быть ценной при выявлении обстоятельств незаконного оборота рассматриваемых нами средств. К тому же, они более мотивированы на сотрудничество.

Но заключать досудебное соглашение о сотрудничестве с такими лицами можно будет только после того, как следователь тщательно оценит объем и ценность информации, которой располагает задержанный и только после этого нужно грамотно разъяснить преимущества его сотрудничества со следствием. А, чтобы он был уверен в том, что ему ничего не угрожает за это от своих соучастников, обеспечить процессуальные гарантии его безопасности.

И только тогда, когда следователь будет располагать достаточной доказательной базой, включающей в себя данные о структуре преступного сообщества; каналах поставок и сбыта наркотических средств; механизмы финансирования всех его членов; роли каждого из них и другие обстоятельства незаконного оборота наркотических средств, можно решать вопрос о задержании лидеров преступного формирования. Такой системный подход позволяет превратить досудебное соглашение из формальной процедуры в действенный инструмент пресечения незаконной деятельности организованных преступных формирований.

Литература

1. Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие, содержание, основные признаки // Юристъ-Правовед. 2018. № 3 (86). С. 114–118.
2. Кудрявцева Н.А., Быков В.В. проблемы законодательного регулирования досудебного соглашения о сотрудничестве// Актуальные проблемы борьбы спреступлениями и иными правонарушениями. Барнаульский юридический институт МВД РФ. 2023. № 23-1. С. 72–74.
3. Попова Е.И. О необходимости создания криминалистических методик на основе принципа компромисса // Lexrussica. 2017. № 9. С. 107–115.

Сведения об авторах

Байтов Родион Владиславович – студент 3 курса экономического факультета Новосибирского государственного университета

Вдовцов Павел Викторович – доцент кафедры криминалистики Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Галдин Максим Владимирович – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции.

Галкин Денис Викторович – заведующий кафедрой криминалистики Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Казаков Александр Алексеевич – заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции.

Калинкина Анна Борисовна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, подполковник юстиции.

Каркошко Юрий Сергеевич – руководитель отделения заочного обучения факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции.

Киселёв Евгений Александрович – заведующий кафедрой уголовного права криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Комарских Кирилл Сергеевич – инспектор первого отдела (организации воспитательной работы) управления общественно-политической работы Следственного комитета Российской Федерации, капитан юстиции.

Новиков Александр Михайлович – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации.

Озеров Игорь Николаевич – заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Османова Надежда Валерьевна – декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Пензеник Анастасия Юрьевна – курсант 211 учебной группы факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета.

Раянова Эльвира Талгатовна – доцент кафедры теории и истории государства и права Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, кандидат педагогических наук.

Розумань Ирина Васильевна – доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского института управления - филиала РАНХиГС при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.

Сабельфельд Татьяна Юрьевна – заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Сажаев Алексей Михайлович – доцент кафедры криминалистики Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Сыроегин Владимир Андреевич – курсант 1 курса магистратуры факультета подготовки криминалистов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета.

Толкачева Влада Витальевна – студент направления подготовки «Юриспруденция» института Международного транспортного менеджмента Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова.

Хазизулин Виталий Билалуевич – и. о. заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин – доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции (в отставке), младший советник юстиции

Харламова Ольга Александровна – начальник кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Шавловский Андрей Борисович – преподаватель кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, капитан юстиции

Шмыгина Ольга Валерьевна – заместитель декана юридического факультета, старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Сибирского университета потребительской кооперации

Черемисина Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской

академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, подполковник юстиции.

Чистова Любовь Евгеньевна – доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Содержание

Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства»	3
Байтов Р.В., Сабельфельд Т.Ю. Цифровизация предварительного следствия	5
Вдовцев П.В. Заключение специалиста: отдельные вопросы определения его доказательственного значения в уголовном судопроизводстве	9
Галдин М.В. Об изменении условий для заключения несовершеннолетнего под стражу	12
Галкин Д.В. Использование в уголовном судопроизводстве доказательств, полученных с помощью систем технического контроля за движением автомобильного транспорта	17
Казаков А.А. Часть 2.2 статьи 27 УПК РФ: возможно ли сбалансированное толкование?	21
Каркошко Ю.С. Вопросы применения иных мер процессуального принуждения: обязательство о явке, привода	26
Каркошко Ю.С. Наложение денежного взыскания в уголовном судопроизводстве	31
Киселёв Е.А. Значение информации, извлекаемой из мобильных устройств при расследовании преступлений	34
Комарских К.С. Дискреционные полномочия следователя: история наделения полномочиями и актуальные проблемы	36
Новиков А.М. К вопросу возможного заочного привлечение в качестве обвиняемого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства	40
Озеров И.Н. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части регулирования расследования преступлений, совершаемых в особых условиях	44
Османова Н.В. Уголовно-правовая политика формирования института уголовного преследования	52
Пензеник А.Ю., Калинкина А.Б. Проблемы определения момента окончания совершения налоговых преступлений	59
Раянова Э.Т., Толкачева В.В. Проблемы правового регулирования принудительных работ как вида уголовного наказания	63
Розумань И.В., Шмыгина О.В. Взяточничество как форма коррупционного проведения: криминологическая характеристика и меры противодействия	66
Сабельфельд Т.Ю. О некоторых процессуальных ошибках на досудебных стадиях	74
Сажаев А.М. О взаимодействии следователя и психолога при организации допроса несовершеннолетнего по преступлениям против половой неприкосновенности личности	77

Сыроегин В.А., Калинкина А.Б. Вопросы квалификации незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенных с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)	80
Хазизулин В.Б. Причинно-следственная связь в преступлениях, совершенных при оказании медицинской помощи	86
Харламова О.А. К вопросу о назначении судебных экспертиз	91
Шавловский А.Б. К вопросу об инструментальном обеспечении судебной компьютерно-технической экспертизы	94
Черемисина Т.В. Проблемы реализации процессуальных гарантий подозреваемого при его задержании и избрании меры пресечения	96
Чистова Л.Е. Досудебное соглашение о сотрудничестве – сделка с правосудием или важнейший механизм преодоления противодействия расследованию наркопреступлений?	100
Сведения об авторах	104
Содержание	107

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

(Новосибирск, 4 июня 2025 года)

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать 11.11.2025

Компьютерная верстка,
техническое редактирование – И.Д. Нестерова
Печать офсетная
Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 7,25
Тираж 50 экз.
Печать офсетная
Заказ № 529

Отпечатано в типографии Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
ул. Врубеля, д. 12